НЕДОБРАЯ СТАРАЯ АНГЛИЯ

Катя Коути
Кэрри Гринберг

Длинная серебряная ложка

Приключения британцев в Трансильвании

Кэрри Гринберг
Екатерина Коути

Длинная серебряная ложка. Приключения британцев в Трансильвании

Серия «Five O'Clock с вампиром», книга 1
Серия «Недобрая старая Англия»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18119513
Длинная серебряная ложка. Приключения британцев в Трансильвании/ Коути К., Гринберг К.: Алгоритм; Москва; 2013
ISBN 978-5-4438-0579-5

Аннотация

Действие романа разворачивается в конце 19-го века, в эпоху небывалого технического прогресса и викторианской чопорности. Хотя по Англии уже проносятся поезда, а электричество вскоре вытеснит тусклые газовые фонари, англичане по-прежнему стыдятся произнести слово «панталоны». Но главный герой, англичанин Уолтер Стивенс, верит, что где-то

там, в загадочной Трансильвании, должен быть другой, странный мир, где обитают вампиры. Да-да, те самые вампиры, которые превращаются в летучих мышей, не отражаются в зеркале и больше всего боятся чеснока. Чтобы отыскать их, Уолтер отправляется в долгое путешествие.

Очутившись в трансильванской деревушке, он не может поверить своему счастью. На скале действительно стоит древний замок Лютценземмерн. В его стенах обитает зловещий граф, его красавица-дочь Гизела и их служанка, веселая и практичная Эвике. Уолтер решает, что наконец-то отыскал вампиров, и мечтает хоть одним глазком заглянуть в замок. Получить приглашение ему помогает чудаковатый ученый Леонард Штайнберг. Далее начинаются такие удивительные приключения, что авторы мистического романа «Длинная серебряная ложка. Приключения британцев в Трансильвании» получили признание и любовь в Интернете, победив в конкурсе «Премия Трансильвания».

Новая книга известных авторов-историков эпохи викторианской Англии – Кати Коути и Кэрри Гринберг!

Содержание

Пролог 5
Глава 1 8
Глава 2 32
Глава 3 58
Глава 4 97
Глава 5 144
Конец ознакомительного фрагмента. 150

Катя Коути, Кэрри Гринберг Длинная серебряная ложка. Приключения британцев в Трансильвании

Вампиров бояться – в Трансильванию не ходить.
Трансильванская народная поговорка

Пролог

Золотые монеты не высятся над столом привычными столбиками, но свалены грудой, словно владелец и не считал их вовсе, а отмерил на глаз – сотней дублонов больше, сотней меньше, какая разница. Словно это вообще не деньги, а мраморные шарики или прочая дребедень. Когда они отражают отблески камина, кажется, что на скатерти тлеют угли. Быть может, потому мужчина, который так и мусолит деньги взглядом, не смеет к ним прикоснуться. На нем сюртук из дешевого сукна, выдающий в своем владельце мелкого клерка, но несвежий, наспех завязанный шейный платок, подбородок, уже неделю алчущий встречи с бритвой, и всклоко-

ченные волосы выступают в качестве молчаливых обвинителей. Глаза у мужчины нездорово-красные. Хотя их оттенок и в сравнение не идет с цветом глаз того, кто сидит напротив, лениво развалившись в кресле с высокой резной спинкой. У нашего нового персонажа в глазах мерцание древних, медленно умирающих звезд.

Некоторое время мужчины сидят молча. В силу сословных различий, один не решается заговорить, не будучи спрошенным. Второй же наслаждается ароматом, который перебивает как запах сосновых дров, потрескивающих в камине, так и амбре, исходящее от грязной сорочки этого крайне невезучего клерка. Но и аромат начинает раздражать. Все равно что нюхать жаркое, не имея возможности его попробовать. Впрочем, возможность-то у него имеется, да только блюдо не готово. В отличие от жаркого, которого сколько положи в горшок, столько и вынешь, люди умеют размножаться. Отлично. У него хватит терпения.

– Полно вам кокетничать, будто монашке в винной лавке. Ну же, берите. Все ваше.

Заимодавец небрежным жестом отталкивает монеты. Длинные, слегка загнутые ногти оставляют бороздки на бархатной скатерти. Не поднимая глаз, клерк сгребает монеты и рассовывает по карманам. Они падают, он ныряет за ними под стол.

– Я верну, сударь, все верну! – бормочет он. – Назначьте любой процент – сто, двести, да сколько вашей душе угодно!

– Моей душе давно уже ничего не угодно, – подавив зевок, отвечает собеседник. – А пока я еще обладал этой, в сущности, бесполезной материей, и тогда цифры не больно-то меня заботили.

– В таком случае…

– Любезный, вы ведь осознаете мою природу, – он растягивает губы в улыбке, лишь на мгновение, но мужчина успевает заметить все, что требовалось.

– …суеверие… не существует, – можно разобрать в его слабых протестах.

– Конечно, не существует. И ничего-то сейчас не происходит, – ободряет клерка его галлюцинация, у которой он только что занял крупную сумму наличными. – Считайте, что вы попали в сказку. А в сказках, как известно, мешок золота – это символ перемены в обстоятельствах, а не энное количество франков и су. Точно так же кредиторы в сказках не докучают должникам векселями. Примените фольклорную логику, друг мой, тогда и поймете, как со мной расплатиться. Вернее, кем.

Но наша история начинается совсем не так.

Глава 1

– А нет ли в ваших краях, к примеру, замка? – осведомился молодой человек, сидевший за столиком трактира «Свинья и Бисер» на задворках захудалой карпатской деревушки.

Юноша прозывался Уолтер Плезант Стивенс, и имел он 23 года от роду. Нельзя сказать, что он был нехорош собой, хотя и красавцем его тоже не назовешь. Светлые, слегка рыжеватые волосы, серые глаза и широкоскулое лицо не придавали ему никакой примечательности. Как говаривал его старший брат Сесил, с такой внешностью сподручно воровать кошельки, все равно никто не опознает.

Искоса Уолтер взглянул в окно на упомянутое им строение, маячившее вдали. Замок, возвышавшийся над поросшей елями скалой, виднелся так четко, словно был выгравирован на закатном небе. Прищурься – и разглядишь флюгер на одной из башен. Однако ответом мистеру Стивенсу стало молчание, изрядно разбавленное неприязнью. Продержалось оно с минуту, а затем гости, коих в трактире насчитывалось с дюжину, вернулись к своим прежним занятиям. Кто тянул мутную брагу из кружки, кто сражался с монументальной котлетой, а некий весельчак решил разрядить атмосферу песенкой, но сбился в конце куплета. Огладив бороду нервным движением, Габор Добош, хозяин славного заведения, расхохотался, но как-то чересчур высоко:

– Замок? Да откуда ж ему тут взяться? Испокон веков у нас не бывало замков. Или господин имеет в виду замок? Есть у нас такой, вон, на амбарной двери весит. Не угодно ли посмотреть?

Любопытный гость едва не заломил руки. Носителей языка, что вворачивают в речь каламбуры, нужно штрафовать. Немецкая грамматика и без того доставляла ему немало хлопот. Чего хорошего ждать от языка, который рубит глагол надвое, одну часть оставляет в начале предложения, другую же засовывает в самый конец, так что бедняжки переглядываются друг с другом через невероятно количество текста? От языка, который обозначает девушек местоимением «оно»?

– Спасибо, что повторили со мной омонимы. Прежде чем мы дойдем до страдательного залога прошедшего времени – бррр! – спрошу еще раз, – юноша потыкал пальцем в окно. – Вот этот замок – что вы имеете про него рассказать?

Хозяин начал протирать засаленным фартуком чистую пивную кружку, доводя ее до здешних стандартов.

– Замок как замок, мне не мешает. Даже, наоборот – там с одной стороны крепостная стена обветшала, видать, раствор поискрошился. Оченно удобно кирпичи таскать. В прошлом месяце мы таким манером сарай подновили. Прямая нам от него выгода, не жалуемся.

– Ну а его обитатели? – уточнил гость. – Не ходят ли про них какие-нибудь мрачные слухи?

– Ах, вот оно что вам нужно. Кабы не ходили, вы, небось, не приехали бы из такого-то далека. Сами откуда будете?

– Из Англии.

Трактирщик хмыкнул в сивые усы. Краем глаза он видел карту Европы – зеленщик завернул в нее капусту – и был осведомлен о расположении туманного Альбиона. Где-то на крайнем западе. За последние полвека Габор отлучался из деревни всего- то пару раз и по сей день пребывал в уверенности, что родной край – это колыбель цивилизации, а по остальной Европе еще бродят люди с песьими головами. А о такой глухомани, как Британия, и думать страшно.

– Вот-вот. Много здесь вашего брата шастает. И все-то вынюхивают, выведывают – тьфу! Но ежели вы про нашенского графа приехали лясы точить, так я вам не потатчик. И никто с вами про него судачить не станет! – Габор грозно обвел глазами выпивох, отыскивая потенциальных диссидентов.

Если крестьяне и прежде не изъявляли желание обсуждать местное дворянство, то сейчас они приступили к своим занятиям с той сосредоточенностью, которая сделала бы честь буддийскому монаху.

Мистер Стивенс почувствовал, что в груди у него словно надувается воздушный шар. Он или взлетит, или лопнет. Расчеты оказались правильными. Он на верном пути. Сначала его обескуражило отсутствие гирлянд из чеснока на окнах трактира, а так же тот факт, что стены были украшены не религиозными изображениями, а вырезками из альманаха с расписанием посевных. Но молчание селян вдохнуло в англичанина новую надежду.

– Не случалось ли в округе необъяснимых происшествий? – зашел он с другой стороны. – Чего-нибудь посерьезнее кражи поросенка? Возможно, в деревне таинственным образом пропадают люди? Не только в кабаке по понедельникам, – на всякий случай уточнил Уолтер, – а вот так, чтобы раз – и след простыл?

Раздался оглушительный грохот.

Увы, то был не раскат грома, и молнии не вспороли небо, а в распахнутое окно, ко всяческому сожалению, не ворвался пронзительный ветер, в коем слышались бы отзвуки волчьего воя. Обернувшись, англичанин увидел, как трактирная служанка, подоткнув юбку, ползает по полу, собирая рассыпавшуюся с подноса посуду. Рядом топтался невысокий щуплый юноша, с очками на длинном носу, с черными на-

бриолиненными волосами, расчесанными надвое. Всем своим видом он напоминал крота, которого бросили посреди оживленного перекрестка.

– П-помочь? – робко предложил виновник происшествия.

Служанка замахала на него полотенцем.

– Благодарствуйте, сама разберусь. Не забыла еще, как вы помогали нам устанавливать бойлер в ванной. Поди, сам кайзер собирал черепицу с нашей крыши по всему своему саду.

– Полно тебе яриться, Бригитта, – добродушно остановил ее хозяин, – Вот ведь злопамятная девка. Счет опять вашему батюшке прислать, герр Леонард? – обратился он к гостю. Тот кивнул, и трактирщик расплылся в улыбке, предвкушая, как добавит к цифре парочку лишних нулей. Несколько таких визитов, и можно купить новую телегу.

Между тем Леонард подошел к столику англичанина и, получив разрешение, уселся рядом, сложив руки на коленях.

– Как обычно? – позвал Габор из-за стойки.

– Разве что чуточку больше.

Хотя Уолтер получил джентльменское воспитание, привившее ему стойкость духа, но глаза его полезли на лоб, когда перед Леонардом оказалась рюмка с прозрачной жидкостью, настолько крепкой, что один ее запах с корнем выдирал волосы в носу. Англичанин почему-то был уверен, что люди такого сорта пьют только молочный пунш. Странности в поведении Леонарда на этом не закончились. Юноша тут же вылил спиртное на стол и тщательно протер его носовым

платком, который после бросил на пол. Лишь тогда он отважился положить на стол руки.

– Это все мии-микробы, – чуть конфузясь, пояснил он. – Они повсюду. Мириады микробов на любой поверхности. Вы, верно, слышали про господина Пастера, французского ученого, которых их обнаружил?

– Будь моя воля, так я бы вашему Пастеру все ноги переломала, – проворчала Бригитта, проходившая мимо с дюжиной пивных кружек, – И откуда он их только понатаскал, да еще и столько сразу? Так хорошо было без них, а теперь – на вот!

– Они существовали и раньше, – миролюбиво сказал Леонард, – но тогда мы про них ничего не знали…

– Вот и славно! К примеру, пока старый Жолтан не узнал, что его жена по ночам уходит не картошку у соседей воровать, а на свидания к зеленщику, у них была счастливая семья. А стоило людям разболтать, так что ни день, то ссора. Вот так и вы с вашими микробами, – сделав это заключение, служанка удалилась, вихляя бедрами.

Покачав головой, Леонард воззрился на Уолтера через толстые линзы очков.

– Невежественный у нас народ, что с них во-о-зьмешь? А ведь я им показывал простейшие организмы под большим увеличением. Кстати, источником того образца была т-тарелка. И что же, стали они дезинфицировать посуду? Как бы не так! Сказали, что с микробами сытнее! – спохватившись,

он добавил, – Простите, я позабыл представиться. Леонард Штайнберг. Я сын Генриха Штайнберга, фабриканта, хотя вы про него, конечно, и так слышали. С кем имею честь?

– Уолтер Стивенс, – сказал англичанин. Сжалившись над беднягой, он не стал протягивать ему руки.

– Я случайно подслушал ваш разговор с Габором. Вы, кажется, говорили про исчезнувших людей.

– Именно про них. А что, вам…

Но Леонард опередил его. Подавшись вперед, он зашептал так внезапно, что Уолтер чуть не подпрыгнул на месте.

– У вас есть сведения, да? Ум-моляю, расскажите. Вы ведь знаете, за деньгами мы не постоим. Вас кто-то послал?

Забыв о бактериальной угрозе, Леонард схватил его за плечо и, к немалому удивлению Уолтера, сдавил до хруста.

– Да о чем вы? Право же, не понимаю… И никто меня сюда не посылал. Я этнограф, путешествую по Карпатам и собираю местный фольклор.

Англичанин почувствовал мгновенное облегчение, потому что нервный тип отпустил его плечо и тщательно вытер руку свежим носовым платком.

– Простите, я забылся.

– С кем не бывает, – обнадежил его Уолтер и тут же спросил исподтишка. – Выходит, люди здесь и вправду пропадают.

– Нет, что вы! У нас тут все на виду. Поэтому я…мнээ… так удивился, когда вы спросили. Подумал, уж не пропал ли

кто ненароком, а мы и не заметили?

Англичанин подавил раздражение. Оставалась последняя попытка, наверняка столь же безуспешная.

– Возможно, вам известен здешний граф?

– Это вы про его сиятельство графа Бальтазара-Фридриха- Георга фон Лютценземмерна? Знаю, конечно. Кто же его не знает? – лицо Леонарда просветлело. – Ой, раз уж вы этнограф, то вам наверняка не терпится осмотреть замок? Как же, там есть на что полюбоваться. Вот Китайский кабинет в восточном крыле – премилое местечко. Да и Портретная галерея хороша.

Не в силах произнести что-либо вразумительное, Уолтер покивал головой. Он не сомневался, что в замке найдется и нечто поинтереснее премилого кабинета с китайскими ширмами и коллекцией бонбоньерок. Например, «Подземная-Камера-Которая- Прославилась-Тем-Что-Однажды-Там-Целый-День-Никого-Не- Пытали».

– Тогда поедемте в замок завтра. Я договорюсь с графом, он охотно принимает гостей. Некоторые потом еще долго не могут покинуть его владения, плененные таким гостеприимством. Вот только я освобожусь лишь вечером. Днем мы с отцом з-заняты. Это ничего? – переспросил Леонард. – Не слишком поздно?

…Той же ночью Уолтер сидел в спальне наверху, перебирая содержимое саквояжа. Множество книг, включая нежно лелеемую коллекцию penny dreadfuls (дешевых изданий с

леденящими кровь историями), увеличительное стекло, две смены белья, осиновые колья, набор открыток с видами родного Дербишира – раздавать туземцам – и даже серебряное распятие, которому совсем не место среди вещей добропорядочного протестанта.

Юноше не спалось. Во-первых, в предвкушении завтрашней поездки он готов был в любую минуту пуститься в пляс. А во- вторых, вид кровати с колючим продавленным матрасом и засаленной подушкой, на которой виднелся отпечаток чьей-то ноги, не располагал к визитам в царство Морфея. Хорошо хоть предусмотрительная Бригитта поставила каждую ножку кровати в миску с водой. Не придется всю ночь служить банкетным столом для клопов.

Порывшись в саквояже, Уолтер вынул блокнот в кожаной обложке с золотым тиснением. Первые несколько листов были вырваны еще до того, как сия вещица попала в антикварную лавку, где ее и обнаружил юный Стивенс. Иногда он задумывался: что же было на этих страницах? Хотелось надеяться, что записки о кругосветном путешествии, а не подсчет карточных долгов.

Пододвинув поближе сальную свечу, копоти от которой было больше, чем света, он тщательно вывел химическим карандашом – «Рассказ о моих приключениях». Немного подумав, добавил «зловещих».

* * *

В то время как мистер Стивенс ютился возле тусклой свечи, в особняке фабриканта Штайнберга свет горел во всех комнатах. Даже в тех, где в данный момент никто не находился. От подобной иллюминации не было практической пользы, но был в ней глубокий смысл. Как и в мраморных лестницах с позлащенными перилами, и в обоях с рисунком а-ля Уильям Моррис, один метр которых стоил больше, чем вся деревня. А если бы перед курами герра Штайнберга, занимавшими отделанный кафелем курятник, бросили пригоршню монет, птицы скорчили бы кислую мину.

Комната герра Леонарда гармонировала бы с великолепием этого дома, кабы не копоть на лепном потолке, из-за чего резвящиеся ангелочки-путти напоминали жителей Конго. Но белить потолок раз в два дня – а именно с такой частотой здесь происходили катастрофы – слуги отказались наотрез.

Чувствуя себя белым сагибом, устроившим засаду на льва, Леонард Штайнберг склонился над микроскопом. Как жаль, что приходится работать по ночам! Никакой газовый рожок не сравнится с лучами солнца. Но о том, чтобы взяться за микроскоп днем, не могло быть и речи.

Сокрушался ученый недолго. В образце воды, собранном на кухне трактира, помимо всего прочего оказалась весьма занимательная амеба. Она осваивалась на новом месте и на-

чинала вести себя интересно. Затаив дыхание, Леонард наблюдал за ее движениями, становившимися все увереннее, все грациозней.

– Леонард!

По коридору прогрохотал высокий, плотно сбитый мужчина средних лет. Нафабренные фельдфебельские усы торчали по сторонам. Волосы были черными с проседью, точнее – седыми с проблесками черноты. Но жизнь делового человека – не ложе из роз.

– Леонааард!

Как обычно, отец вошел без стука и чуть замешкался на пороге, когда юноша, не отрываясь от окуляра, сделал предупредительный жест.

– Чу! Ты ее вспугнешь.

– Кого – ее? А, опять твои финтифлюшки!

Леонард нехотя отошел от стола и, опустив руки по швам, вытянулся перед Штайнбергом, воплощая сыновнюю почтительность.

– Это не финтифлюшки, это начало моего карьерного пути.

– О нет, мальчик, наш колбасный цех – твоя карьера. А все это, – Штайнберг махнул рукой в сторону книжных полок, – суета сует и всяческая суета.

– Я придерживаюсь п-противоположного мнения.

– Уже дерзить начал?

Мгновение – и отец сгреб его за воротник, швырнул на

пол, после чего одним мощным движением смел со стола нагромождение бумаг, колбы с образцами, микроскоп. Теперь все это мокло на полу в одной уродливой куче. Где-то там была и амеба. Леонард мысленно с ней попрощался.

– Ты не должен так себя вести, – поднявшись, проговорил он с тихим укором. – Хотя ты мой отец, ты не господин надо мною.

– Пока я оплачиваю твои карманные расходы, я тебе и то, и другое! Ах да, конюх проболтался, будто ты велел заложить экипаж к завтрашнему вечеру. Куда навострился?

– Д-дело в том, что давеча в «Свинье» я познакомился с одним англичанином, он тут проездом…

– Небось будете бултыхаться вдвоем в Мутном Пруду, детворе на потеху, и вылавливать своих мокриц?

– Это не мокрицы! – живо отреагировал Леонард, но увидев, как помрачнело лицо отца, воздержался от дальнейших объяснений. Новая трепка ему не улыбалась. – В любом случае, герр Штивенс приехал сюда с другими целями. Он этнограф, путешествует по европейским деревням.

Впервые за время разговора Штайнберг проявил интерес.

– Он богат? Должны же у него быть средства, чтобы финансировать такие эксцентрические выходки?

Фабрикант не сомневался, что стоит увидеть одну европейскую деревню – и ты знаком с ними всеми. Повсюду пьянство, суеверия, и нежелание шагать в ногу с капиталистическим строем.

– Не знаю. Я не спр-а-шивал, – виновато ответил Леонард. – Он сказал, что интересуется фольклором.

– Чем?

– Ну там сказки, прибаутки, заговоры от вросшего ногтя… Фольклор – это основа растущего национального самосознания. По крайней мере, он так сказал. Очень славный молодой человек…

– А ты уверен насчет последнего пункта?

– То есть?

– Что перед тобой был человек, – пояснил Штайнберг, чувствуя в груди завихрения гнева, ледяного, как арктический шторм.

– Да, к-кажется…

– Кажется?

– Точно да! – убежденно заговорил Леонард. – Он попросил у служанки хлеба и сыра.

– Значит, они еще не начали прибывать. Хотя не исключено, что этот твой приятель у них на посылках. Так, – отозвался Штайнберг. – Так. И ты предложил ему прокатиться в нашем экипаже – куда, кстати?

– В замок Лютценземерн, познакомиться с графом.

– Леонард, ты выжил из ума! – простонал отец, прикрывая глаза рукой. – Ты хотя бы представляешь, олух, как это может быть опасно!

– Но….

– И после того, что произошло! И буквально накануне Ба-

ла!

– Ты думаешь, что между всем этим есть взаимосвязь?

– Я уже не знаю, что и думать.

Он рухнул на стул, который возмущенно скрипнул от такого обращения. Леонард встал рядом. Вот бы упасть на колени и обнять отца, да только тот расценит это как чрезмерную вольность. И когда, кстати, он в последний раз менял белье? Несвежая рубашка – это рассадник бактерий, а отец сейчас такой рассеянный! То ли еще будет через неделю, когда распроклятый Бал состоится.

Вернее, не состоится – вот в чем ужас-то.

– Прости, отец, я поступил глупо, – промямлил Леонард. – Конечно же, никуда я с ним не поеду.

– Наконец-то здравая мысль. Нам нужно сидеть тише воды и ниже травы.

– Но сам он все равно доберется до замка. Хоть пешком, но доберется. Ты бы видел, как он загорелся этой идеей.

– Его право. А вот графа, пожалуй, стоит предупредить, чтобы ждал посетителя. А то еще обидится, что ты подкинул ему незваного гостя за здорово живешь. Хотя вряд ли, гостей он любит. Даже чересчур, – усмехнулся Штайнберг. – Отправь ему весточку и не забудь засвидетельствовать свое почтение фройляйн Гизеле. Ох, и почему я должен тебя всему учить!

Леонард уныло кивнул. Он давно уже чувствовал себя так, словно пытался вытащить из шкафа галстук, лавируя между

скелетами, которые клацали зубами и норовили цапнуть его за руку.

* * *

– Вы звали меня, герр доктор?

Доктор Ратманн, главный врач больницы Св. Кунигунды, оторвался от изучения медицинских карт и посмотрел на вошедшую. Как и остальные сиделки, девушка была одета в темно-коричневое шерстяное платье с высоким белым воротничком и столь же белоснежным фартуком, так что запросто сошла бы за горничную из респектабельного семейства. Из-под гофрированного чепца не выбилось ни пряди каштановых волос. Несмотря на свою молодость, ночная сиделка являла картину спокойствия и благопристойности.

Она была высока ростом и хорошо сложена, но общую картину портили руки, чересчур мускулистые для барышни. Такие бывают у девиц, которые всю жизнь работали с маслобойкой или же бегали с ракеткой по корту. Кожа ее была смуглой, но россыпь темных веснушек на щеках и носу устраняла любой намек на экзотичность. Из-под густых бровей пристально смотрели вполне заурядные карие глаза. Скулы чересчур острые, губы тонкие. Вот кому не помешало бы немножко пудры, да мазок помады. Сиделка, похоже, сама об этом догадывалась.

На второй же день службы она заявилась с румянами во

всю щеку. Кого она надеялась таким образом подцепить, одному Господу известно. Как бы то ни было, старшая сиделка фрау (хотя фройляйн, конечно) Кальтерзиле не спускала подчиненным такого распутства. Ведь именно спартанский облик отличал медсестер от прочих девушек, работавших в ночную смену. Схватив бедняжку повыше локтя, матрона поволокла ее в ванную, смывать следы порока. Вся смена тут же облепила дверь, ибо у старшей сиделки рука была тяжелая и скорая на расправу. Новенькую ожидала серьезная головомойка.

Сразу же послышался плеск воды, потом всхлипы и просьбы, «Ах!.. Боже мой, что вы делаете… да как же так можно… ну полно вам… прекратите, пожалуйста…». Удивлению персонала не было предела, когда стало ясно, что это причитает фрау Кальтерзиле. Проще разжалобить гранитную глыбу, чем заставить ее уронить хоть слезинку. «Так сойдет или мне продолжить?»– спокойно уточнила девушка. «Да, да, хватит уже, простите, я была неправа!» Наконец из ванной вышла новенькая, со смиренным видом и без крупицы румян, а вслед за ней выбежала фрау Кальтерзиле, понеслась прямиком в кладовую и одним махом употребила недельный запас успокоительного. Сиделки только диву давались, но их любопытство так и не было удовлетворено – новенькая оказалась не из болтливых. Себе на уме.

«Иными словами, идеальная кандидатка для этого задания», – подумал доктор Ратманн, по-прежнему разглядывая

медицинскую сестру.

– Проходите, фройляйн, и присаживайтесь, пожалуйста.

– Благодарю, герр доктор.

Присела на край стула, смотрит выжидательно.

– Я вызвал вас вот по какому поводу. На днях к нам поступила новая пациентка. Обычная барышня, ей бы с гувернанткой ходить. А она ни с того, ни с сего начала вести себя престранно. Я еще понимаю, если бы этому предшествовали перебои в менструальном цикле, так нет же! Барышня даже от бледной немочи никогда не страдала. Вес в норме. Развитие соответствует возрасту. Семья хорошая, без сумасшедших… хотя надо же откуда-то начинать, – сострил доктор. – Зовут пациентку… А не важно, как ее зовут. Называйте ее тем именем, которым она представится.

– Что от меня потребуется? Устроить ей холодный душ? Или горячий? – спросила сиделка ровным голосом, словно уточняя, сколько ложек сахара положить в чай. – Или все вместе – посадить в горячую ванну, а на голову лить ледяную воду по капле?

– Боюсь, что ледяной душ доживает свои последние дни, – доктор потер высокий с залысинами лоб. – Иное дело в прежние времена – раскрутишь, бывало, больную на центрифуге, чтобы блуждающая матка вернулась на место… Но нет, сейчас в моде новые штучки, тот же гипноз.

– Вам угодно, чтобы я ее загипнотизировала? – подумав, предложила девушка.

– Ну что вы, милочка, откуда вам знать о такой технике, – покровительственно улыбнулся эскулап, – Поговорите с ней, и делу конец.

– О чем?

– О том, что ее беспокоит. Это тоже новый метод, разговаривать с пациентами об их недугах. По мне, так метод сомнительный. Сколько ни болтай, а матка от этого на место не встанет. Но нельзя допустить, чтобы наша лечебница прослыла прибежищем ретроградов. Кроме того, с этой больной нужно обращаться поделикатней. Ее опекуны – очень влиятельные люди. Вы слышали выражение «из-под земли достать»? Так вот, у них достаточно средств, чтобы в случае чего пробурить землю насквозь и поймать вас где-нибудь в Аргентине. Все понятно?

– Да, – ответила сиделка, которой незнакомая девица нравилась все меньше. Умела бы лебезить перед клиентками, служила бы в ателье.

– Тогда ступайте, фройляйн. Вам в четырнадцатую. Завтра жду вас с отчетом.

Сделав книксен, сиделка направилась в восточное крыло. Отыскала нужную палату и приподняла бляху, закрывавшую дверной глазок. Комнатка была маленькой и узкой, с беленными известкой стенами, дощатым полом и обязательной решеткой на окне, через которую робко пробивался лунный свет. Тень от решетки легла на пол, будто разлинованный для игры в крестики- нолики. Причудливая тень была един-

ственным украшением палаты, где не было ни книг, ни даже рамочек с вышивкой на стенах. Только кровать, застеленная стеганым покрывалом, табурет да ночной столик с медным тазом для умывания. Ничто не должно напрягать и без того утомленный разум пациенток, который расслаблялся на диете из серовато-бежевых оттенков, в то время как их тела извлекали пользу из пресного молочного супа. Месяц такой терапии – и женщины готовы отречься от своего безумия ради тоста с горчицей и сардинами.

Несколько раз провернув ключ в замке, сиделка приоткрыла дверь, но вошла, лишь когда стало очевидно, что никакая неприятность ей не грозит. В изобретении ловушек здешним пансионеркам нет равных. Классическим вариантом служил мешок с мукой, установленный над дверью так, чтобы падать сверху на входящего. Но раздобыть муку непросто. Полный ночной горшок был популярной альтернативой.

Обстановка ей сразу не понравилась. Торжественно скрестив руки на груди, на койке возлежала худенькая девочка лет 17, всем своим видом напоминая статую на усыпальнице какой-нибудь средневековой королевы. Признаков жизни больная не подавала, чем привела ночную сиделку в негодование. Неужели и правда решила окочуриться? Только не в ее смену! Она не знала в точности, но за такое наверняка штрафуют.

Решительными шагами она подошла к кровати и уже нагнулась над пациенткой, чтобы прислушаться к ее дыханию, как та вдруг резко распахнула глаза. Вскрикнув от неожиданности, сиделка отскочила назад и ударилась о ночной столик, который драматическая ирония загодя поставила на ее пути. Тазик для умывания, как дервиш, завертелся на полу. Окончательно разбуженная медью звенящей, пациентка приподнялась на локте и светски улыбнулась.

– Добрый вечер, – сообщила она, но сиделка этот вечер

таковым не сочла.

– Меня зовут Кармилла, – продолжила девица, наблюдая как сиделка, массируя ушибленное бедро, доковыляла до газового рожка и зажгла свет, – А как ваше имя?

– Для вас – фройляйн Лайд, – буркнула сиделка, не терпевшая фамильярностей. Кроме того, она не сомневалась, что девушка назвалась вымышленным именем. На Кармиллу она не тянула. Максимум на Лизхен или Софи.

При тусклом свете газа девушка напоминала рисунок акварелью – черты ее были приятными, хотя и размытыми, невыразительными. Белокурые волосы чуть приоткрывали маленькие, будто вылепленные из воска уши. Шея была совсем тонкой, вот-вот переломится, плечи – худыми. Через вырез ночной сорочки, расстегнутой на несколько пуговиц, виднелись ключицы, тоненькие, как карандаши. А вот на груди сорочка едва вздымалась. Не укрылся от сиделки и легкий акцент Кармиллы. Не итальянский, его бы она сразу определила, а какой тогда? Французский, английский?

– Так вы хотели о чем-то поговорить? – перешла она к цели своего визита, хотя и не представляла, о чем можно беседовать с особой столь юных лет. О новых фасонах шляпок? О способах утягивания талии до 30 сантиметров? О венских балах? О мальчиках?!

Себя в этом возрасте она не помнила. Вернее, старалась не вспоминать, как и все предшествующее тому вечеру, когда ее жизнь выцвела в одночасье.

Склонив голову набок, пациентка испытующе на нее посмотрела, словно грандмейстер масонской ложи, решающий достоин ли неофит причаститься тайн бытия. Но поскольку других претендентов на тайны бытия поблизости не оказалось, медицинский персонал вполне годился на роль слушателя.

– Что ж, я поведаю обо всем, – возвестила девица, – Но прежде должна убедиться, что вам можно доверять.

Сиделка подумала, что сама ни за что не доверилась бы тому, в чьих полномочиях привязать ее к кровати и накачать морфием, но вслух ничего не сказала. Наоборот, заставила лицевые мышцы изобразить подобие дружелюбной улыбки.

– Разумеется, вы можете мне доверять. Кроме того, хороший рассказ непременно должен быть услышан. Ну-с?

– Меня похитили и держат здесь против воли! – с места в карьер начала Кармилла. – На самом деле, я не сумасшедшая, отнюдь! Просто… просто я вампир.

Улыбка сиделки одеревенела.

Глава 2

Утро началось с того, что в комнату к постояльцу пробралась хозяйская кошка и улеглась ему на лицо. Собственно, и весь день развивался в подобном ключе.

Еще вчера Леонард Штайнберг попросил трактирщика оказывать Уолтеру всяческое содействие. В том числе и в его этнографических изысканиях. Понятие «этнограф» Габор разъяснил местному населению в следующих выражениях: «Знаете истории, от которых у всей родни уже сводит челюсти, а уши сворачиваются в трубочку и норовят заползти вглубь головы? Про то, как у маленького Штефана прорезался первый зуб, или что случилось на свадьбе у Марицы? Ну, так вот, этот человек проехал через всю Европу СПЕЦИАЛЬНО, ЧТОБЫ ИХ ПОСЛУШАТЬ!!!» Сообщение произвело настоящий фурор. Обгоняя друг друга, женщины помчались по домам, извлекать из сундуков одежду поэтничней, а нарядившись, с той же прытью вернулись в «Свинью и Бисер». Когда Уолтер, отплевываясь от кошачьей шерсти, спустился к завтраку, очередь успела три раза обогнуть трактир.

К вечеру усталый этнограф прослушал добрую сотню народных песен, узнал дюжину способов без медикаментозного лечения золотухи и мог проследить генеалогию каждого деревенского жителя вплоть до Темных Веков. Он чувство-

вал себя старателем, перемывшим тонну песка ради нескольких желтых крупиц. Время от времени ему удавалось выловить сведения о том, что интересовало его на самом деле – о вампирах. Но в большинстве случаев это было закрепление пройденного. В который раз Уолтер услышал, что

– вампиры боятся серебра,

– вампиры боятся освященных предметов,

– они не отражаются в зеркалах (по одной версии, потому что у них нет души, по другой – потому что при изготовлении зеркал используется серебро (см. пункт 1). В таком случае назревал вопрос – а будут ли они отражаться в ведре с водой?),

– они могу перекидываться в летучих мышей,

– они не станут есть чеснок даже из вежливости,

– они крайне щепетильны в вопросах приличий и не войдут в дом без приглашения, зато уж после приглашения от них попробуй, отделайся (как и от большинства людей),

– для них губителен солнечный свет,

– истребить упыря можно, отрубив ему голову и проткнув сердце осиновым колом,

– и прочая, и прочая.

Попадалась, однако, и весьма оригинальная информация. Так, согласно легендам, если перед вампирами бросить пригоршню крупы, они начнут считать каждое зернышко. Наверное, они очень бережливы. Что здесь правда, а что – вымысел, Уолтеру предстояло выяснить на собственном опыте.

Этим он и собирался заняться в самое ближайшее время.

В дверь кто-то поскребся, и мистер Стивенс увидел своего давешнего знакомца, который держал под мышкой огромный сверток, перевязанный алой шелковой лентой.

– М-можно войти?

– Ну разумеется! – Уолтер пропустил его в комнату, но, ступив несколько шагов, Леонард застыл, брезгливо оглядываясь по сторонам. Там, где обычный человек видел дурно меблированные номера, ему мерещился барак для прокаженных.

– Я уже подготовился к поездке, так что вам не придется долго ждать, герр Штайнберг…

– Просто Леонард. Когда говорят «герр Штайнберг», мне кажется, что это про отца, – смущенно объяснил юноша.

– Тогда называйте меня Уолтером.

– Да, конечно… А что это у вас на столе?

Англичанин задумчиво покрутил в руках серебряное распятие.

– Сувенир. Купил на память о Будапеште. Хотите посмотреть?

Но Леонард замотал головой, как флюгер во время шторма. Контакты с чужими вещами он сводил к минимуму.

– Красивая вещица. Вы бы носили ее с собой, а то обидно будет потерять.

– Пожалуй, вы правы, – сказал англичанин и сунул распятие в карман.

– Эммм… Уолтер? Насчет нашей поездки… Боюсь, что она не состоится, – заметив, что у англичанина вытянулось лицо, Леонард продолжил скороговоркой. – То есть, не состоится с моей стороны. Как раз сегодня на меня свалилось множество дел дома… то есть в цехе… то есть… Иными словами, я не смогу быть вашим попутчиком. Но ничего, мы что-нибудь придумаем. Кто- нибудь из крестьян одолжит вам бричку…

Не успел он развить мысль, как в комнату вбежала Бригитта.

– Там за молодым господином приехали из замка, – сообщила она, сделав большие глаза.

– Сам граф приехал? – уточнил Леонард.

– Да как вам сказать.

Сначала Уолтеру почудилось, будто у трактира остановился катафалк. Приглядевшись, он понял, что это массивная карета, рассчитанная на четверку лошадей, но запряженная одной невеселой кобылой. Худощавый возница, в пыльном кафтане и широкополой шляпе, тоже был со странностями.

– Я кучер в замке Лютценземмерн, – представился этот тип, свешиваясь с облучка. – Хозяин повелел, чтобы я доставил гостя в целости и сохранности.

Что-то в его внешности сразу же насторожило Уолтера. Возможно, это была благородная осанка мужчины, отличавшая его от согбенных работой крестьян. Или же белые руки с длинными тонкими пальцами. А может и накладная борода, сбившаяся набок. Проследив за взглядом англичанина, кучер смущенно откашлялся и вернул бороду на место.

Уолтер покосился на Леонарда. Юноша топтался на месте и не знал, куда девать глаза.

– Ваше… эмм… друг мой, – наконец изрек он, разглядывая свои ботинки с увлеченностью археолога, нашедшего редкий артефакт, – передай это своему господину.

Юноша боком подошел к карете и протянул вознице сверток.

– Первосортная колбаса-кровянка, только что из цеха. Без чеснока, как он любит. Скажи, что мы с отцом кланяемся его сиятельству и фройляйн Гизеле.

Разделавшись со светскими обязанностями, Штайнберг-младший шумно выдохнул, словно Сизиф, который докатил-таки камень на вершину горы.

– Конечно, Леонард… то есть сударь.

Пока они переговаривались, мистер Стивенс успел как следует рассмотреть транспортное средство. Краска частично облезла, но на боку еще можно было разглядеть герб с

оскалившимся волком.

Поскольку Уолтер ничтоже сумняшеся принял предложение погостить, его саквояж погрузили в карету, которая сразу же тронулась в путь. Когда он обернулся, то увидел как Бригитта, наблюдавшая за ними из окна, облегченно перекрестилась. Это был добрый знак.

– Мой хозяин просил окружить вас заботой, – крикнул ему кучер, – Посмотрите под сиденьем – там для вас приготовлена фляжка сливовицы.

Уолтер действительно нащупал ее, но так и не решился сделать глоток. Неизвестно, кто пил из этой фляжки до него. Может, на горлышке остались их бактерии. Общение с микробиологом давало о себе знать.

Карета ползла в гору, перекатываясь с буерака на буерак. Тут уж Уолтер действительно обрадовался, что не стал угощаться графской сливовицей – его швыряло из стороны в сторону.

– Да что у вас за дороги такие, а? – возопил Уолтер, когда колени в очередной раз отбили ему подбородок.

– Трансильвания – это не Англия, – флегматично отозвался кучер, – наши дороги – это не ваши дороги.

Уже стемнело, и обступавшие дорогу ели чернели, как закопченные зубы дракона. Где-то вдали раздался протяжный волчий вой. Атмосфера была что надо. Уолтер начал представлять, как по приезду опишет свои впечатления в дневнике. Он закрыл глаза и увидел ровные строки на пожелтев-

шей бумаге. О, это будет поистине чудовищная история! А начнет он вот так…

«Мир окутала непроглядная тьма, а мое сердце сдавила тоска – кто знает, быть может, мне не суждено более увидеть утренний свет? Тем временем вой все нарастал, пока не сделался столь пронзительным, что резал мои барабанные перепонки подобно шрапнели. Когда же я решился выглянуть в окно, чтобы установить источник чудовищных звуков, то увидел, что за каретой несется волчья стая. Я кричал и стучал фляжкой о стену, но кучер все гнал лошадь. Вот стая уже поравнялась с нами, а в следующий момент матерый волк, похожий на оборотня из народных преданий, прыгнул на дорогу впереди лошади, заставив несчастное животное взвиться на дыбы. Карета остановилась. Но вы и вообразить не можете то чувство запредельного отчаяния, которое посетило меня, когда я увидел, что кучер спрыгнул с облучка и направился к волкам. Их пасти ощерились, с кривых клыков стекала слюна. Затем вожак, описав в воздухе серую дугу, прыгнул на горло моему вознице. Я зажмурился, не в силах более сносить этот ни с чем не соразмерный ужас».

Когда ему, наконец, удалось стряхнуть с себя волка, который истоптал ему всю грудь в попытке лизнуть щеку, псевдокучер развязал пакет и, воровато озираясь, пошвырял волкам кольца колбасы. Даже без чеснока колбаса выглядела малоаппетитно, но изголодавшиеся животные устроили из-за нее свару. Ну, еще бы, ведь после вырубки леса, которую

кое-кто устроил, чтобы расчистить место для нового цеха, в округе поуменьшилось дичи. Бедняжки сидели впроголодь даже летом. А если они начнут таскать овец, крестьяне возьмутся за рогатины. Покончив с процедурой кормления и потрепав по загривку волчат, он вернулся к карете, где бедняга Уолтер съежился на сидении.

«– Вы должны забыть об увиденном, – сурово сказал он мне, просовывая бороду в окно кареты, – и ни словом об этом не обмолвиться, если не хотите навлечь на себе гнев нашего господина!

Что мне оставалось делать, кроме как покориться его воле и отдать свою судьбу в распоряжение этого странного человека, не внушавшего мне ничего, кроме трепета? Так мы путешествовали в кромешной тьме еще несколько миль».

Когда карета наконец вкатилась во двор замка, Уолтер тихо посапывал, усыпленный тряской и парами пролитой сливовицы. Почувствовав толчок от остановки, он продрал глаза и, зевая в кулак, выбрался из кареты.

Замок окружал его со всех сторон и нависал над ним темной громадой. Казалось, юноша стоит на дне колодца и смотрит вверх.

Затем послышался лязг и скрежет, словно кто-то скреб гигантским гвоздем по гигантской же грифельной доске, и огромная дверь распахнулась. На пороге появился старик, облаченный во фрак. В руках он держал фонарь.

– Граф фон Лютценземмерн рад приветствовать вас в сво-

их владениях, – возвестил уже знакомый голос. – Войдите же в мой замок по доброй воле и без страха.

– Без с-страха? – уточнил Уолтер, несколько напуганный столь замысловатым приветствием.

– Без страха. Не знаю, что вам наболтали в деревне, но в замке совершенно безопасно. Если вы насчет парадной лестницы, так ее почти починили.

Сглотнув, Уолтер поклонился и пожал костлявую руку графа.

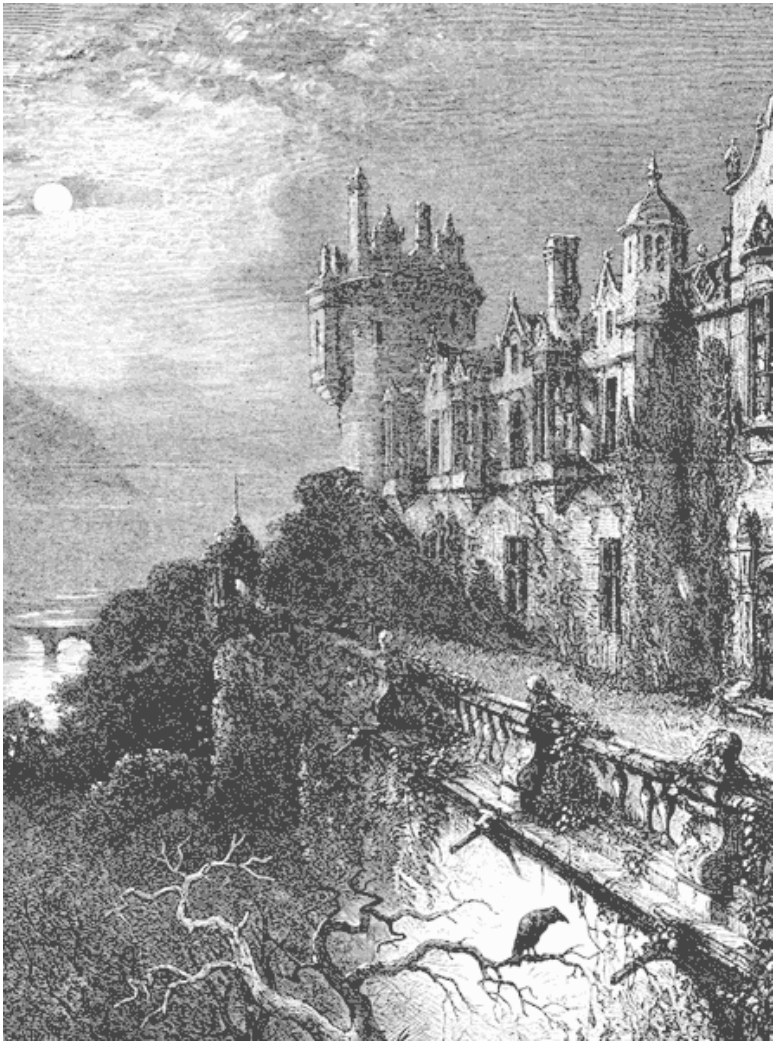
– Уже полночь, мои люди давным-давно храпят в постелях. Дайте-ка я вам помогу.

Несмотря на протесты гостя, граф подхватил его саквояж и повел Уолтера вглубь замка.

Уже в который раз за эту ночь англичанин насторожился. Сомнительно, чтобы среди слуг такого знатного семейства не нашлось какой-нибудь замухрышки – ну там помощницы младшей горничной, – которая вышла бы принять плащи господ, а после проводить их в покои. Разве может надменный карпатский магнат сам освещать дорогу гостю, да еще и нести его багаж со сноровкой профессионального грузчика? Да, профессионального. Уж слишком ловко все у него получалось. Уолтер решил, что дело нечисто.

Погруженный в размышления, англичанин даже не заметил, как они вошли в просторную залу с длинным столом, накрытым на одну персону. Объяснив, что уже пообедал и никогда не ужинает, граф предложил гостю приняться за еду,

а сам уселся в кресло возле камина.



В дороге Уолтер действительно проголодался, так что с жадностью накинулся на угощение – цыпленка, такого жесткого, что он, верно, уже успел мумифицироваться к моменту приготовления, и маловразумительную похлебку из разваренных овощей.

Принявшись за это блюдо, Уолтер вспомнил поговорку, «Если обедаешь с чертом, возьми длинную ложку». Хотя в случае с упырями она должна быть еще и серебряной. А вот столового серебра он как раз не обнаружил. Чего и следовало ожидать.

На столе стояла и бутылка, пушистая от плесени и мха. Уолтер налил вина в бокал, размерами скорее напоминавший кубок, осторожно пригубил темную жидкость, рассчитывая, что она будет кислой под стать остальному угощению. Но вино напоминало жидкий бархат, и юноша почувствовал, как его тело погружается в приятную негу.

Но если граф надеялся таким образом усыпить бдительность гостя, ему следовало подумать дважды. Как бы невзначай англичанин продолжал вести наблюдения за этой сверхъестественной личностью.

«Время от времени он ронял на меня взгляды, которые иначе как плотоядными не назовешь. Видно было, что графу не терпится отведать моей крови, хотя до поры до времени он предпочитал соблюдать приличия.

Нащупав в кармане распятие, я отчасти успокоился и по-

старался как следует рассмотреть нового знакомца. Один взгляд на его лицо обеспечил бы заикание даже бывалому физиогномисту. Цепкие черные глаза сверкали из-за кустистых бровей. Длинный, чуть загнутый нос придавал ему сходство с хищной птицей. Седые усы обрамляли тонкие красные губы, выдававшие в нем тирана и сластолюбца. Иными словами, это было лицо закоренелого маниака».

Как только англичанин покончил с ужином, граф фон Лютценземмерн вызвался проводить его в спальню. Не слушая отговорок, он снова подхватил саквояж.

…И тут произошло то, чего мистер Стивенс так опасался во время путешествия. Иногда он представлял, как это происходит среди вокзальной толкотни, или на бездорожье, где грязи по колено. Но то были щадящие варианты. Он и помыслить не мог, что ветхое дно саквояжа отвалится именно в тот момент, когда поблизости окажется матерый трансильванский упырь.

Первыми выпали книги, тут же целомудренно прикрытые ворохом нижнего белья, а в последнюю очередь сиятельному взору графа явились осиновые колья.

– Что это? – с каменным лицом осведомился он.

– Зубочистки, – ляпнул Уолтер первое, что пришло на ум, и начал заталкивать вещи обратно в изрыгнувший их саквояж. В зале стало гораздо светлее, потому что красные уши бедняги сияли куда ярче камина.

– Ну-ну, – отозвался его сиятельство. Нагнувшись, он под-

нял блеклую фотографию, запечатлевшую большое семейство на фоне задника, разрисованного деревьями.

– Ваши родные, надо полагать?

– Д-д-да, – выдавил англичанин с третьей попытки. Теперь ему стало по-настоящему страшно. Сам он готов был в любой момент вступить в схватку с полчищами упырей, но вот втягивать семью в этот конфликт не хотелось. К счастью, никто из его домочадцев не отличался выдающейся красотой, да и фотография была такой мутной, что поди разбери, где тут человек, а где – кадка с пальмой.

Но Уолтер-то знал наверняка, что сидящий мужчина – его отец, преподобный Джонатан Стивенс, а женщина справа от него – Онория Стивенс, урожденная Лэнкфорд, его мать. Рядом были рассыпаны многочисленные отпрыски – старший брат Сесил, близнецы Эдмунд и Эдна, а также Чэрити, Оливия, Джордж и маленький Альберт, который через год умер от коклюша. Сам Уолтер был мальчиком со смазанным лицом, который не вовремя мотнул головой.

– Не сомневаюсь, что родители гордятся таким сыном, – сказал граф, возвращая фотографию.

– Само собой, – согласился Уолтер. Его родители и правда, гордились сыном, который в данный момент служил помощником стряпчего в Бристоле. Если, конечно, стряпчий мистер Олдентри еще не сообщил им, что его клерк однажды утром не явился в контору, потому что отправился на поиски карпатских упырей, чтобы впоследствии написать про них

книгу. Тогда вряд ли гордятся.

В очередной раз, засунув руку в недра саквояжа, Уолтер почувствовал укол. Похоже, он только что отыскал иголку, пропавшую неделю назад, когда ему требовалось залатать прореху на рукаве. Ах, проклятье! На указательном пальце выступила капелька крови. Когда его сиятельство изменился в лице, Уолтер понял, что он тоже заметил.

– Вы всегда так неосторожны, молодой человек? – спросил фон Лютценземерн, пристально разглядывая кровь. Чересчур пристально. Затем резко отвернулся.

– Нет… просто я… нет, не всегда.

– В наших краях подобная неосторожность не доведет вас до добра! – буквально выкрикнул граф, но тут же смягчился и добавил. – Спросите хотя бы юного Штайнберга, какую инфекцию можно занести таким путем. Впрочем, хороший отдых вернет вам внимательность. Пойдемте.

Взяв фонарь, он поманил Уолтера, который последовал за хозяином, крепко прижимая к груди злополучный багаж.

Комната, отведенная для гостя, оказалась внушительных размеров помещением. Зато мебель была ветхой до крайности – того и гляди, рассыплется от одного касания, как рукоять топора в сказке про зачарованного дровосека, который вступил в хоровод эльфов. Полог кровати провис под тяжестью гнездившейся на нем моли. Стены были затянуты гобеленами, изображавшими, как водится, охоту на единорога.

– Здесь нет ни одного зеркала! – воскликнул Уолтер, пыт-

ливо глядя на графа. Тот смешался.

– Верно, их здесь и правда нет. Потому что… потому что глядеться в зеркало – гордыню тешить. А в нашем замке придерживаются строгих правил.

– Но как же мне бриться?

– Если хотите, я могу помочь.

Представив, как вампир тянется к его горлу бритвой, англичанин невольно вздрогнул.

– Ничего не бойтесь. Вы в полной безопасности, – утешил его граф, – а чтобы вам спалось спокойнее, я вас тут закрою…

«Когда я, наконец, сорвал голос от криков и отбил кулаки о дубовую дверь, которую граф захлопнул перед моим носом, – написал Уолтер впоследствии, – я заполз в кровать и заснул. Да, заснул, я знаю точно, но вот проснулся ли потом? Или же это было продолжением сна, но таким реальным, что становилось только страшнее? Сначала я услышал тихие голоса, доносившиеся снаружи. Они были похожи на звон серебряных колокольчиков или весенний ручеек, журчащий высоко в горах… но все же это были голоса. Как бы я ни прислушивался, я не смог разобрать ни слова. Вскоре голоса стихли, но я уже не мог унять бешено стучащее сердце и вздрагивал от каждого звука. Я хотел подойти к окну и посмотреть, что же происходит, но неведомая сила будто приковала меня к постели».

И тут появились они.

Хотя нет, сначала появились голоса, и Уолтер разобрал слова «щеколда» и «ах, черт, застряла», но потом они тоже появились. Вместе с лунным светом и прохладным ночным воздухом они вплыли через окно, и ему почудилось, будто их ноги не касались пола.

Правда, ему многое могло почудиться, потому что глаза он почти не открывал, стараясь одновременно прикинуться спящим, нащупать под подушкой распятие и наблюдать за двумя гостьями, которые разглядывали его, тихо перешептываясь.

– Идите, вы первая, – произнесла полноватая девушка, стоявшая чуть поодаль. В приглушенном свете ее волосы отливали темной медью, а тени падали на лицо, придавая ему лукавое выражение. Или дело не в тенях?

Другая была ее противоположностью. Худенькая, с бледной кожей, ярко очерченными алыми губами и в легком белом платье, она казалась пришелицей из потустороннего мира.

– Он спит. Он так мил, – пропела она, и белоснежные зубки опасно блеснули. – Стоит ли будить его?

Ее компаньонка наклонилась над ним и бесцеремонно помахала рукой над его закрытыми глазами.

– Спит, как убитый, – хмыкнула она. – Дался он вам, фройляйн Гизела. Мы пришли не за этим.

Рыжеволосая девица деловито прошлась по комнате и остановилась около кровати, где лежал его растерзанный

саквояж. Повисла пауза, и Уолтер осмелился приоткрыть глаза, а затем и слегка приподнять голову, пока не заныла шея. К немалому его удивлению, девушки не обратили на него ни малейшего внимания. Они были всецело поглощены изучением его багажа.

– Ох, сколько всего! – восхищалась рыжеволосая. – И костюмчик справный, явно не у старьевщика покупал.

– Вот документы. Смотри, Эвике! Тут написано – Англия! – отозвалась вторая красавица, по-видимому, ее госпожа.

– Это где ж?

– Это королевство за тридевять земель. Так далеко, как ты никогда не бывала, да и я, впрочем, тоже. Но я видела в атласе.

– Человек, приехавший издалека, наверняка богат!

– А значит…

Что это означало, Уолтер так и не успел узнать, потому что следующие события произошли практически одновременно. Дверь его комнаты распахнулись и голос, принадлежащий графу, грозно выкрикнул:

– Прочь! Прочь от него!

Девушки разом ойкнули, и та, что с интересом изучала его документы, постаралась незаметно закрыть саквояж и затолкать его под кровать, но не успела.

– Не смейте к нему приближаться!

Уолтер все еще притворялся спящим, но готов был поспо-

рить, что лицо графа перекошено от гнева, а глаза полыхают адским пламенем. Одна из девушек вскрикнула – должно быть, вампир схватил ее за руку и потащил вон из комнаты. Вторая последовала за ними, захлопнув дверь с такой силой, что с потолка посыпалась штукатурка. Пробудившаяся моль в панике заметалась по комнате, а жуки-точильщики, замерев от страха, прекратили свои мерное тиканье.

Хозяева ушли недалеко. Даже через стену юноша расслышал, как бушевал граф – то громко кричал, а то и вовсе зловеще шипел. Англичанин невольно пожалел бедняжек. С какими бы противоестественными целями они ни проникли в его спальню, а все же не заслуживали той страшной кары, которую, безусловно, придумает для них вампир. Уолтер уже представил бедняжек в подземелье, обнаженных и в кандалах, а так же графа, который нависает над ними, щелкая бичом. Даже суккуб не вынесет такого обращения. А в том, что его навестили два суккуба, Уолтер давно уже не сомневался.

Терзаемый любопытством, он приблизился к двери и прислушался.

– Я же запретил заходить сюда!

– Мы всего лишь хотели… – дальше девица перешла на шепот, и он не смог разобрать, чего же от него хотели инфернальные создания. Но уж наверняка не писать стихи в альбом.

– Вот-вот, раз он живет здесь, пусть приносит пользу, – вступила другая девушка. Судя по раскатистому говору, та служанка с рыжими волосами.

– Этот человек – мой гость. Я запрещаю вам даже помышлять о том, чтобы. – опять тихо.

– Всегда ты так! Заботишься о гостях и совсем не думаешь о нас, – раздался обиженный голосок. – Мы голодаем, почему бы не использовать гостя в своих интересах?

– Как будто я не понимаю, что такое голод! Но скоро все изменится.

– Скоро, скоро… А сегодня, что, совсем ничего для нас нет?

– Неужели вы решили, что я забыл о вас? – голос графа потеплел. – Как же, есть у меня кое-что.

Уолтер весь превратился в слух. За дверью раздался шорох, после чего девушки радостно взвизгнули.

– Спасибо, папочка, ты самый лучший! – воскликнула одна из них. – Эвике, бери мешок. Потащили!

Так, зачем вампирам мешок? Хотя их, скорее, интересует содержимое. Воображение услужливо дорисовало картину – мешок извивался, вырывался и жалобно стонал. Юноша почувствовал, что его бьет крупная дрожь. Но лишь когда шаги обитателей замка затихли вдалеке, он позволил себе упасть в долгожданный обморок.

* * *

Твари богомерзкие, ну когда же они отвяжутся? И ведь никак с ними не совладаешь! Можно лишь затаить дыхание, надеясь, что они пройдут мимо – что не заметят. Она чувствовала себя пешкой, упавшей с доски и закатившейся под стол, но даже здесь они до нее добрались! Из-за них она потеряла все – дом, семью и свою любовь – а им, видать, и этого мало. Как же она их ненавидела! А еще больше себя.

– Ваша пациентка назвалась вампиром! – забыв про приличия, выкрикнула сиделка, как только получила разрешение войти. Доктор удивленно воззрился на девушку, после чего забарабанил костяшками пальцев по френологическому макету головы.

– Удивительно, как быстро вам удалось ее разговорить. Мои вопросы она все больше игнорировала. Зато теперь дело в шляпе – вам нужно просто убедить ее, что на самом деле вампиров не существует.

– Мне ее убедить? – выдохнула сиделка. Если дело и было в шляпе, то не иначе как в дурацком колпаке. Так глупо она себя не чувствовала еще никогда.

– Ну а кому же? Очевидно, что вам она доверяет. Вы и вразумите бедняжку. Втолкуйте ей, что в наш просвещенный век стыдно верить в такие замшелые предрассудки. Вампиры, ха! – утробно расхохотался Ратманн. – Или того лучше – сходите-ка в церковную лавку и принесите… чего они боятся в сказках? Парочку распятий, бутылку освященной воды, медальон Святого Христофора. Покажите нашей больной эти предметы, а когда ее кожа не позеленеет или что там должно произойти, она осознает свое заблуждение. Даже обидно, что так скоро придется ее выписывать.

Сиделка побледнела настолько, что веснушки чернели на фоне абсолютно белой кожи, словно неподалеку разорвалась бочка с порохом.

– Прошу прощения, герр доктор, но я больше не могу ее

видеть. Пусть ею займется кто-нибудь из дневных сиделок.

– Что вы, фройляйн, днем она спит прямо таки мертвым сном, – так и сыпал каламбурами доктор.

– Все равно. Если нужно скрутить кого-то из буйных, я рада стараться, а разговоры – уж увольте. Плохая из меня собеседница.

– Уволить-то вас я всегда успею, – отозвался доктор, почесывая макет за ухом, – другое дело, кто вас примет на службу без рекомендаций? Хотя, если вы сомневаетесь в своих профессиональных способностях, можете прямо сейчас сдать униформу и идти домой.

Это было бы самой разумной идеей, но усилием воли она заставила себя усидеть на месте. Перемещение из пункта А в пункт Б ничего не меняет. Ад в ней самой, и никуда от этого не денешься. Ведь не вывернешься наизнанку, чтобы ад оказался снаружи, а не внутри. Она заслужила, чтобы с ней произошла этакая гадость. За ее трусость. За предательство.

До сих пор проблема вампиризма по-настоящему остро вставала перед ней раз в неделю. Теперь же придется разговаривать про упырей каждую ночь, пока она по капле не выдавит безумие из головы той девчонки…

– Я передумала, – сказала сиделка, и суровость доктора сменилась обычным добродушием. – Тотчас же пойду к ней. Только давайте повременим с четками и святой водой. Я слышала, что люди бывают экзальтированны настолько, что на их телах сами собой проступают раны. Взять, к приме-

ру, стигматы. Если наша пациентка действительно верит, что она вампир, то может почувствовать боль из-за самовнушения. Вы же не хотите объяснять ее опекунам, почему у нее на лбу ожог в форме креста. Чего доброго, решат, будто мы ее нарочно обожгли.

– А ведь вы правы, фройляйн! Далеко пойдете, – похвалил ее доктор Ратманн. – Тем более что мы уже почти месяц никого нарочно не обжигали… Что вы так на меня смотрите? Между прочим, проверенная методика. Пациенту сбривают волосы и прижигают голову кислотой, чтобы терапевтическая боль ослабила уже существующую… Может, нашатыря вам?.. Ну, хорошо, ступайте, милочка.

…Кармилла, заплетавшая косу, подскочила на кровати, когда сиделка фурией влетела в палату.

– Вампир, говорите? – спросила фройляйн Лайд, присаживаясь на табурет. – Оч-чень хорошо. Поведайте мне, как же вас угораздило овампириться?

Пациентка взвизгнула от счастья и тут же затараторила.

– Одной майской ночью, когда я читала у открытого окна, в комнату мою влетел он, прекрасный как падший ангел. Его смоляные кудри ниспадали на плечи, а яростный взгляд изумрудных глаз опалил все мое существо. На нем были высокие сапоги, узкие кожаные брюки, а кружевная рубашка была распахнута, обнажая белую, как алебастр, грудь… Фройляйн Лайд?! С вами все в порядке?!

Глава 3

Уолтер рассчитывал проснуться задолго до заката и тщательно изучить замок. Но когда юноша разлепил веки, за окном смеркалось, а у ворот замка старательно, будто певчие из церковного хора, выли волки. И как его угораздило столько проспать! Видимо, сказывались вчерашние треволнения. Кому приятно стать свидетелем семейной ссоры, особенно если в ней участвуют два суккуба и вампир? Как и всякий благоразумный человек, Уолтер немедленно обследовал свою шею на предмет рваных ран, но нащупал лишь адамово яблоко, которое обреталось там уже 23 года. Вампиры не спешили его кусать. Оставляли изысканную английскую кровь на десерт.

На прикроватном столике находилась керосиновая лампа – единственная уступка прогрессу – и Уолтеру удалось, как следует осмотреться. Интерьер спальни ничуть не изменился со вчерашней ночи, разве что казался еще более ветхим. В смежной комнатушке находилась ванна с арабесками плесени и все необходимое для утреннего туалета. За исключением зеркал, разумеется. Сменив ночную сорочку на обычный костюм, Уолтер вернулся в спальню, где на глаза ему попался незамеченный прежде поднос с завтраком – чашкой кофе и пищевым продуктом, который в одной из своих предыдущих жизней был пирогом. Завтрак оказался холодным как

могильная плита, из чего Уолтер сделал вывод, что он простоял здесь уже несколько часов. Но, ведь кто- то же принес еду? Значит, по крайней мере, один из трех демонов может передвигаться при свете дня!

Уолтер побрился, глядя на свое отражение в чашке кофе, покончил с трапезой, и осмотрел дверь. На счастье, она была не заперта.

От одного взгляда на замок Лютценземмерн даже Энн Рэдклифф понадобились бы нюхательные соли. Казалось, слово «готический» было выгравировано на каждом кирпиче. Особенно на тех, которые уже вывалились из стен. С потолка капала вода, образуя то тут, то там хрупкие сталактиты. По коридорам гуляли такие сквозняки, что из-за них трепетали гобелены на стенах и оживали сцены охоты: вздрагивали от нетерпения гончие, неслись вперед единороги.

Уолтер прошелся по бесконечному коридору, стараясь ступать как можно тише. Даже через подошвы ботинок он ощущал стылый каменный пол. Замок впитывал стужу, а после цеплялся за нее, как ростовщик за кошель. Поистине, только немертвые могут выжить в таких суровых условиях. В конце коридора находилось высокое стрельчатое окно, некогда украшенное витражом, от которого остались только ноги рыцаря да драконий хвост. Осторожно, чтобы не порезаться об осколки стекла, юноша высунулся в окно и…

«С губ моих едва не сорвался испуганный крик. Во дворе я увидел самого графа, который держал в руках охапку

досок и молоток. Пинком он распахнул входную дверь и исчез в недрах замка, в то время как я, зачарованный, продолжал стоять у окна. Наконец на меня снизошло откровение. Ну, разумеется! Каждому образованному человеку известно, что носферату почивают в гробах. Доски нужны, чтобы соорудить оную конструкцию. А если графу понадобился новый гроб, следовательно, он рассчитывал пополнить ряды немертвых. Он собирался кого-то обратить! Убить и сделать вампиром! А ведь я был единственным живым в этой долине смертной тени.

Я собрался было покинуть наблюдательный пост, как вдруг в плечо мое вцепилась когтистая рука! Медленно обернувшись, я увидел давешнюю рыжеволосую дьяволицу.

– Если вы так маетесь от скуки, – хохоча, промолвила она, – я найду, чем вас занять!

Услышав, как она собирается меня употребить, я почувствовал, что по жилам моим колючей изморозью растекается ужас! Дальнейшие подробности придется опустить из соображений морали. Могу лишь сказать, что из всех известных пыток этот демон в женском обличье выбрал самую мучительную…».

– Много еще осталось? – уныло спросил мистер Стивенс, протягивая служанке по имени Эвике очередную тарелку. Девушка вытерла ее о фартук и поставила на полку.

– На пару часов хватит. Да вы мойте, мойте, сударь. Негоже вам проводить время в праздности. А то у вас разыграется

этот… как там его фройляйн называла… английский сплин!

Очевидно, что девушка была не вампиром, а их служанкой из людей. Смерть придает чертам торжественную строгость, Эвике же выглядела пухленькой простушкой, огненно-рыжей, но с такими белесыми бровями и ресницами, что казалось, будто их нет вовсе. На миловидной девице была зеленая нанковая юбка и белая блуза, поверх которой Эвике носила красный, но уже сильно выцветший корсет. Рыжие волосы убирала под косынку.

Заунывно вздохнув, юноша вперил взгляд в бадью, где среди мыльной пены выпирали белые бока тарелок, словно рифы среди штормового моря. Словно Сцилла и Харибда, черт бы их побрал! А вместе с ними и слуг как категорию!

В те дни у слуг существовал обычай выстраиваться в две шеренги у выхода, чтобы отъезжающий гость мог оставить чаевые всем, от дворецкого до поваренка. А у лондонского дяди Лэнкфорда челяди была тьма-тьмущая, и если раздавать чаевые направо и налево, самому придется жить впроголодь. В решающий момент Уолтер удирал через черный ход, так что слуги его не жаловали. По крайней мере, грелку он получал в последнюю очередь, а кофе в постель никогда не требовал, чтобы кухарка не выместила гнев на злосчастном напитке.

Но графская горничная своим нахальством затмевала всех!

– А почему вы с барышней прошлой ночью забрались ко

мне в комнату? – поинтересовался Уолтер. Раз уж он застрял на кухне, можно хотя бы провести время с пользой.

– Решили погулять вечерком, да случайно туда и забрели, – пожала плечами Эвике. – По пути оказалось. Кстати, не забывайте тарелки и с обратной стороны мыть.

– Хорошо… Но граф не одобрил ваш вчерашний променад, – заметил англичанин не без злорадства. – Как он кричал, аж стены дрожали! Он всегда так суров с вами?

– Ох, и не говорите, сударь. В его сиятельстве порою просто зверь пробуждается, – доверительно прошептала девушка, – Как он наказывает бедную фройляйн Гизелу, даже вспоминать страшно! Например, может хорошую книгу на целых полчаса отобрать. Правда, потом извиняется и приносит обратно, но все равно. Хотя вы не подумайте, на самом деле он добр и милостив. Вот меня, к примеру, он взял в услужение из приюта при Монастыре Избиения Младенцев. Тогда еще покойница-графиня была жива.

«Добр, как же!»– усмехнулся про себя Уолтер, вспоминая, как графа перекосило при виде крови. Зато он понял, почему Эвике была так привязана к господам-вампирам. О том, какие порядки были в приюте со столь многообещающим названием, даже думать не хотелось!

– А с чего графа так разобрало вчера? И главное – почему он запер меня на ключ? Все это очень подозрительно.

– Мне досталось за то, что я предложила хозяину взять с вас денег за постой, – без обиняков призналась девушка. Уолтер посмотрел на нее не верящими глазами. Похоже, все слуги мира против него сговорились.

– Вот его сиятельство и обиделся, – продолжила Эвике. – Мол, это против феодальной чести. А вас он запер, потому что вы могли случайно повстречать его дочь, фройляйн Гизелу. Вы ведь молодой холостяк и все такое. Но она… Ох, как же я могла забыть!

Эвике схватила его за руку своими большими руками, мокрыми и оттого казавшимися почти нежными. Зашептала горячо:

– Вы обязательно должны с ней встретиться! Помогите моей госпоже, окажите милость. Даже капли вашей крови не прольется. Успеете уехать до Бала!

– Какого бала?

– Просто выполните просьбу фройляйн Гизелы. Просто сделайте то, что она скажет.

Не давая ему возразить, служанка вытолкала его из кухни и погнала по коридорам, которые озадачили бы даже Минотавра. У покоев виконтессы она оглядела его придирчиво, кивком велев опустить закатанные рукава, и троекратно постучалась в дверь.

– Фройляйн Гизела! Я привела гостя.

– Ах, как славно! – зазвенел девичий голос. – Пусть он входит, а ты покарауль за дверью, чтобы папа нас не застиг.

– Его сиятельство нескоро из кабинета покажется. Он мастерит новый гроб, – буднично пояснила Эвике, а Уолтер чуть не подпрыгнул на месте. Гипотеза подтвердилась!

Графская дочь стояла спиной к Уолтеру, задумчиво глядя в окно, но на шум шагов обернулась так резко, что англичанин подпрыгнул. Ему почудилось, будто она готова на него наброситься, а ее белоснежные зубы слегка удлинились. Но чего не привидится в полутемной комнате, освещенной лишь тусклым огоньком свечи? Зато красота девушки была несомненной – холодной, как лунный свет, нечеловеческой. И бледная кожа, и огромные глаза в обрамлении густых ресниц, и алые губы, и длинные черные волосы, слегка присобранные гребнем на затылке. Легкое белое платье туманом окутывало тонкий стан и слегка колыхалось на ветру. Вернее, на сквозняке.

– Садитесь, мистер Штивенс, – она указала на низкую деревянную скамеечку, и юноша повиновался.

– Что вам угодно, мисс… – решил проявить вежливость

Уолтер, но поняв, что осилить эту фамилию в один присест у него не получится, сконфуженно замолчал.

– Поговорить. Просто поговорить. И еще попросить вас кое о чем, это ведь несложно, правда? – она наклонилась к нему совсем близко, и мягкие черные волосы скользнули по его щеке. Он рефлекторно сжал распятие в кармане, готовый в любой момент отразить атаку.

– Не… несложно. А о чем?

Девушка выдержала паузу. Она даже прошлась по комнате и встала возле окна, где мягко падающие тени добавляли ей таинственности. Хотя куда уж больше.

– Вы должны помочь нам найти Ее, – она выжидательно посмотрела на Уолтера.

– Ее?

– Нет, ну вы только подумайте, как она могла сбежать перед самым Балом! – уже не слушая его, говорила Гизела. – Как будто и не знает, насколько это важно для нас. Так нет ведь, наша гордячка бросает всех, и отправляемся неизвестно куда – это надо быть такой эгоисткой! Кхм, простите, я отвлеклась.

– Вам надо кого-то найти, – предположил Уолтер. – Но кого?

– Ее зовут Берта Штайнберг, если это вам о чем-то скажет, – проговорила девушка таким тоном, каким поминают Сатану.

– Штайнберг, ну конечно! Я знаю эту семью. Во всяком

случае, знаком с Леонардом.

– Мои соболезнования. А это его сестра – избалованная особа, способная думать лишь о себе. И как ей не быть такой, если вся их семья купается в роскоши? Вот и возомнила, что ей все можно! – глаза девушки блеснули. – Ведь что может быть проще? Уходишь из дома, едешь, куда глаза глядят, и все проблемы решаются сами собой. О, нееет. И на нее найдется управа. Найдите ее, мистер Штивенс, и приведите ко мне! То есть… Вы ведь поможете, правда? Пожалуйста-пре-пожалуйста? – закончила она с невинной улыбкой, словно просила очинить ей перо.

Уолтер сглотнул.

– Эм, мисс Ле… Лю…

– Зовите меня просто Гизелой.

– Хорошо, Гизела. Но почему ваша подруга сбежала?

Вопрос этот он задал скорее для проформы. Как не понять юную барышню, которая, должно быть, теряла сознание от одного взгляда на замок?

– Подруга? – ужаснулась графская дочь. – Ну, уж нет, никакая она мне не подруга! Мы совершенно разные, у нас нет ничего общего, она совсем другая «Ну еще бы», – подумал Уолтер, но ему хватило деликатности держать мысли при себе.

– Наверное, наша бедняжка не смогла перенести того, что я выхожу замуж за ее брата.

– … Вы… за… ее… что?!

– Мы с ней стали бы родственницами, а уж подобного она и вообразить не могла! Едва ли ее устроит такая невестка. Но вот способ, коим она выразила свое недовольство! Сбежать перед самым балом! Понятно, что в пору с ума сойти со всеми этими вампирами, но могла бы и потерпеть. Разве не для этого мы, женщины, созданы? – горестно вздохнула Гизела.

– Со всеми этими… кем? – шепотом переспросил Уолтер.

Его как ледяной водой окатило. Ведь это был первый раз, когда при нем произнесли Слово На Букву В. Оно витало в воздухе, но прежде никто его не упоминал. Ни разу. Черт, даже в Англии он слышал это словечко чаще! И вот!

– Со всеми этими никем! – быстро ответила Гизела. – Я пошутила. Да и в любом случае, вы ведь поможете найти Берту? Она нужна нам…

Уолтер кивнул. Как будто бы у него есть выбор! Хотя почему бы не помочь прекрасной девушке… двум прекрасным девушкам. Девушек вокруг него стало как-то слишком много. И еще одна маячила в перспективе.

– Вот и чудненько! – радостно воскликнула Гизела и захлопала в ладоши.

Виконтесса смотрела, как за гостем медленно закрывается дверь. Вот звук его шагов становится все глуше и глуше. А вот и тишина. Тогда она упала на то кресло, где до этого сидел Уолтер, подобрала ноги и позволила себе улыбнуться – дело сдвинулось с мертвой точки.

Они обязаны найти Берту. Найти и вернуть. Возможно –

силой. Иначе. Иногда Гизела закрывала глаза и представляла себе это «иначе». Во всех красках.

И во всем виновата только мерзкая девчонка Берта Штайнберг! Она всегда была во всем виновата, с самого ее приезда сюда 8 лет назад. Ах, если бы она не приехала, все повернулось бы по-другому.

* * *

Аристократия и буржуазия… Эта история настолько хрестоматийна, что услышав ее, любой марксист радостно захлопает в ладоши.

Уже которую неделю в деревне сплетничали о грядущем визите некого г-на Штайнберга, коммерсанта из Гамбурга, который ни с того ни с сего загорелся идеей инвестировать в местную экономику. Крестьяне отнеслись к его затее скептически. Главной индустрией здесь было самогоноварение, а в него и так инвестировали все от мала до велика. Так или иначе, приезд богача заинтриговал всю округу. Разговоры докатились и до замка, где граф и графиня фон Лютценземмерн живо обсудили эту захватывающую перспективу. Правда, говорил в основном граф, а графиня слегка кивала, сберегая силы. По слухам, у фабриканта была дочка чуть старше их Гизелы, так что у их девочки появится наперсница. Это ли не славно?

Сама Гизела не могла дождаться приезда новой подруги.

Каждый день она представляла, как они будут играть на клавесине в четыре руки, и бродить по горам, и поверять друг другу незамысловатые девичьи секреты. На первых порах новенькая будет стесняться, но Гизела возьмет ее под свое покровительство. Конечно, дочка фабриканта – не пара виконтессе, но поскольку аристократия загнивала ускоренными темпами, людей ее круга оставалось все меньше и меньше.

Приехав в деревню, г-н Штайнберг сразу же изъявил желание познакомиться с местной знатью. В назначенный час к замку подкатило ландо, запряженное парой белоснежных лошадей. Граф вместе с дочерью поджидал гостей во дворе, и Гизела широко распахнула глаза. В силу возраста она не могла оценить стоимость всего выезда, но еще никогда девочка не видела ничего настолько нового. Коляска переливалась на солнце, кучер был одет в блестящий, с иголочки кафтан, да и лошади, похоже, регулярно принимали ванну с земляничным мылом. В груди у Гизелы зашевелилось доселе незнакомое чувство. Родители приучили ее гордиться вещами с благородной патиной старины, но хотя в замке пользовались льняными салфетками, о которые вытирал руки еще Фридрих Барбаросса, это не делало их менее дырявыми.

Из экипажа спустился сам герр Штайнберг, отряхивая дорожную пыль с фрака. Из кармана его жилета высунулась золотая цепь размером с якорную. За отцом вылез тощий мальчишка в очках и нескладная девочка лет двенадцати.

На девочке было бархатное платье с рукавами-фонариками и огромная шляпа с таким обилием перьев, словно на нее просыпали содержимое перины. Гизела не знала, завидовать ли ей или смеяться над этой расфуфыренной особой. Девочка одарила ее недобрым взглядом.

– Ваше сиятельство, я так польщен встречей, так польщен! – расшаркивался гость. – Я и помыслить не мог, что вы так скоро соблаговолите принять наше скромное семейство.

– Ну, полно вам, герр Штайнберг, я очень рад встрече. Надеюсь, вы найдете здешние края приятными, – ответствовал граф с дружелюбной улыбкой.

На самом-то деле он терпеть не мог подобострастия, а к быстро нажитому богатству относился с подозрением. Да, предки аристократов тоже нажили деньги и титул в основном грабежом, разбоем и запугиванием крестьян, но то было еще в рыцарские времена. Значит, они грабили и запугивали более галантно.

– Всенепременно, ваше сиятельство. А кто этот прелестный ребенок? Госпожа виконтесса, позвольте представить вам моих детей.

Дети, прятавшиеся за его спиной, неохотно подошли.

– Мой сын Леонард. Он увлекается флорой и фауной.

– Микрофлорой и микрофауной, – поправил его мальчик.

– Микрофауна – это маленькие животные? – переспросила Гизела.

– Ну, д-да.

– Как кролик?

– Как Amoeba radiosa.

– А это моя дочурка, – вмешался Штайнберг. – Надеюсь, госпожа виконтесса будет к ней благосклонна.

– Ну конечно! – сказал граф. – Давай, Гизи, покажи девочке наш сад.

Сад зарос так, что гулять по нему можно было разве что с помощью мачете. Но девочки послушно сделали книксен, и отправилась продираться через бурьян. Поскольку графиня из-за болезни не могла покинуть свои покои, виконтессе приходилось исполнять роль гостеприимной хозяйки.

– Я Гизела фон Лютценземмерн, – приветливо улыбнулась она. – Очень рада видеть тебя в наших владениях.

– Берта, – буркнула девочка.

– Как поживаешь, Берта?

– Отвратительно.

– Эм… что?

Гизела привыкла, что окружающие отвечали «Спасибо, все чудесно», даже если в этот момент вервольф грыз им ногу.

– Это я в Гамбурге хорошо поживала. Но нет, отцу вздумалось переехать в эту… сюда. У вас тут есть Опера?

– Нет, но…

– Я так и знала, – сказала девочка с таким мрачным видом, словно все ее худшие опасения разом подтвердились.

– Какая хорошенькая шляпка! – Гизела сделала последнюю попытку завязать светскую беседу.

– Бери, если хочешь. У меня их так много, что я со счету сбилась.

Остаток променада девочки провели в тягостном молчании, и Гизела облегченно вздохнула, когда они вернулись в Парадную Залу. Там граф попросил ее устроить для гостей домашний концерт, и девочка сыграла на клавесине несколько мелодий эпохи барокко (именно в ту эпоху фон Лютцен-земмерны в последний раз потратились на нотную тетрадь).

– А ты музицируешь, Берта? – спросила Гизела, когда они спускались в столовую.

– Начинала, но бросила. Учитель музыки ударил меня указкой по пальцам, и я очень расстроилась.

– Ужасно!

– И совсем не ужасно. Ничего жизненно важного я ему не задела. Так, пустяки, парочка переломов. Хотя в правой руке он указку уже не удержит, – удовлетворенно хмыкнула Берта.

– Но дама обязана музицировать! – Гизела гнула свою линию. – Иначе у нее никогда-никогда не будет хорошего образования, и ее не возьмут замуж!

– Меня и так возьмут. А таланты нужны лишь тем, у кого нет приданого.

Виконтесса вспыхнула. Теперь она уже не сомневалась, что гостья не просто бестактна в силу своего низкого проис-

хождения, а умышленно говорит колкости.

За ужином герр Штайнберг расхваливал консоме, будто это была смесь нектара и амброзии, а не бульон, сваренный без намека на мясо. Старая кухарка уже набила руку в изготовлении таких блюд. Она ворчала, что скоро научится готовить яичницу без яиц. Гизела перевела взгляд на отца, который читал гостю лекцию по краеведению. За стулом графа стоял лакей, древний как само Время. Он, кухарка, да горничная Эвике, сиротка, взятая из приюта на прошлой неделе – вот и вся прислуга в замке. А в доме Штайнбергов, должно быть, не протолкнешься от слуг. Наверное, у них есть слуги, которые стоят за стульями у других слуг, пока те обедают. Ну почему некоторым так везет?

Почему некоторым так везло, Гизела узнала гораздо позже и ужаснулась, но в тот вечер она едва сдерживала слезы.

Рядом с ней Леонард изучал бульон через лупу и периодически делал записи в блокноте. Берта же исподволь разглядывала виконтессу. Так на Гизелу еще никогда не смотрели. У нее не было слов, чтобы описать этот взгляд. Оценивающий, разве что? Ну конечно, он самый. Мысленно богачка уже вовсю хихикает и над немодным платьем Гизелы, и над ее несколько раз чиненными ботинками, и над всем замком, доверху набитым старым хламом. Зачем она вообще сюда заявилась? Никто ее не звал. Сидела бы в своем Гамбурге!

Гизела вдруг поняла, что ее жизнь уже никогда не будет прежней. Как в воду глядела.

Если раньше вся деревня восхищалась маленькой виконтессой, ее изящными манерами и целым цветником добродетелей, то отныне внимание переключилось на фройляйн Штайнберг. Ведь именно она одевалась в шелка и атлас. Именно ей покупали самые красивые игрушки. Берта, Берта, Берта… От нее некуда было деваться, тем более что Штайнберги, поселившиеся в особняке неподалеку, зачастили в замок. Но, даже если Гизела искала уединения – в библиотеке, на поляне в лесу, в подземельях, не обозначенных ни на одной карте – везде она каким-то образом натыкалась на Берту. И каждый раз на сопернице было надето что- то новое! Будь Гизела знакома с понятием кармы, она решила бы, что в прошлой жизни истребила целый город, раз в этой ей ниспослана такая кара.

Когда однажды поутру обитатели замка против обыкновения не проснулись от кашля графини, а граф еще полдня рыдал в кабинете, именно вражда с Бертой Штайнберг помогла Гизеле не захлебнуться отчаянием. Выходки нахальной девчонки отвлекали и от скорби.

А пару месяцев спустя герр Штайнберг предложил захватить виконтессу в соседний город на ярмарку, куда он с детьми отправлялся на выходной. Сочтя, что дочке необходимо развеяться, граф дал согласие, и субботним утром за ней заехала карета. К счастью для Гизелы, ее посадили рядом с Леонардом, но уже через час, наполненный описаниями жгутиков и ложноножек, ей захотелось выпрыгнуть прямо на ходу. Фабрикант сидел напротив и елейно улыбался. Время от времени он замечал, как хорошо они с Леонардом смотрятся вместе. Берта помалкивала. Не иначе как новую пакость замышляла, и в который раз Гизелу не подвело чутье.

Они погуляли по ярмарке, поглазели на канатоходцев и шпагоглотателей, отведали льда, политого сладким сиропом (за исключением Леонарда, который портил аппетит рассказами о морозоустойчивых микробах). Устав от толчеи, аляповатых костюмов артистов и возгласов зазывал, семейство покинуло площадь. Центральная улица была куда более приятным местом для променада. По обе ее стороны магазины уже распахнули двери, поджидая покупателей, как росянка –

мух. Хотя городок был провинциальным, а значит, и магазины роскошью не отличались, у Гизелы заблестели глаза. Какая разница, что платья на витринах олицетворяли безвкусицу, с обилием рюшек и турнюрами размером с пивную бочку. Зато они были новые, яркие и без единорогов.

У одной витрины она задержалась надолго. Здесь были выставлены очаровательные дамские мелочи – гребни из слоновой кости, шляпные булавки, украшенные жемчугом, кружевные перчатки, которые покрывали руки изморозью, целый выводок брошек, золотые наперстки, кошельки. В центре возлежал самый роскошный веер, который ей когда-либо доводилось видеть. Страусовые перья, подкрашенные розовым, были прикреплены к изящной перламутровой ручке. Казалось, перья слегка шевелятся, подзывая Гизелу – потрогай меня, возьми меня, владей мною.

О том, чтобы купить его на свои деньги, не было и речи. О том, чтобы попросить подарок у герра Штайнберга, тоже думать не хотелось. Он, конечно, купит, даже с удовольствием, но вот папу это вряд ли обрадует. Принимать подарки от буржуазии – это нехорошо, не по-феодальному. Вздохнув, Гизела отошла от витрины и только тогда заметила, что все это время Берта наблюдала за ней издали. В глазах у девочки сияло непонятное, а оттого и неприятное торжество.

На следующий день Гизела вприпрыжку вбежала в Зеленую Гостиную, где Эвике приготовилась чистить ковер и уже рассыпала по нему чайную заварку.

– Фройляйн Гизела? Разве вы не у себя?

– Нет, а что такое?

– Я только что видела, как фройляйн Штайнберг входила в вашу комнату. Думала, вы ее позвали. Уж не пришла ли она слямзить чего-нибудь? – девочка всплеснула руками, но затем добавила простодушно. – Хотя, ей-то, что у нас воровать?

Развернувшись на месте, Гизела взлетела по парадной лестнице со скрипучими перилами, пробежала мимо доспехов, в которых гнездились совы, и оказалась у двери в свою спальню. Там она прильнула к замочной скважине, ожидая увидеть, как Берта разбрасывает по комнате скорпионов. Но, злодейка сидела на кровати, комкая подушку. На ЕЕ кровати, комкая ЕЕ подушку. Затем встала и деловито прошлась, окидывая обстановку хозяйским взглядом. Видимо, уже решала, как расставит мебель, когда выживет Гизелу из замка. Переместилась к шкафу, распахнула его, начала перебирать платья. Точнее, все три платья, так что процедура была недолгой. Одно из них Берта приложила к себе и покрутилась у зеркала. Закрыв шкаф, она приступила к исследованию шифоньера – открывала ящики, знакомилась с их содержимым, а потом достала что-то из кармана, что-то яркое…

Решив, что Берте хватило времени для самооговора, Гизела фон Лютценземмерн картинно распахнула дверь.

– Что. Ты. Делаешь. В. Моей. Спальне?

От неожиданности нахалка вздрогнула, и к ногам Гизелы

упал веер. Тот самый, с розовыми перьями и ручкой, инкрустированной перламутром.

Девочки посмотрели на веер. Друг на друга. И снова на веер.

– Вчера ты заметила, что он мне понравился. Ты… ты специально его купила и пришла сюда похвастаться! – воскликнула Гизела, которой вдруг открылась вся порочность человеческой природы. – Это же так подло.

– Не помешаю?

Привлеченный криками, в дверь постучался граф фон Лютценземмерн. Он сразу же заметил инородное тело на полу.

– Какая оригинальная вещица, – сказал граф вежливо, но с оттенком снисходительности. – Это отец тебе купил?

Берта подняла веер и несколько раз обмахнулась, будто слепней отгоняла.

– Да.

– Герр Штайнберг не находит, что юным особам рано еще иметь дорогие украшения?

– Отец хочет, чтобы я стала настоящей леди. А у настоящей леди должно быть много красивых вещей, чтоб ее издалека было заметно.

– Ну-ну. Только помимо красивых вещей, у леди должны быть и другие отличительные черты – например, доброта, сдержанность, и достоинство. Так ведь, Гизи?

Та кротко кивнула. Правда, сейчас ее Доброта, Сдержан-

ность, и Достоинство оживленно обсуждали, как бы сломать Берте шею, инсценировав несчастный случай.

– Я оставлю вас. Играйте, девочки.

– Хорошо, папочка! – промурлыкала Гизела и повернулась к Берте, не меняя выражения лица.

– Уходи отсюда, Берта Штайнберг, – улыбаясь все так же ласково, сказала она. – И никогда не возвращайся в мою жизнь.

Из-за двери она услышала, как поверженная врагиня хлюпает носом. Гизела ожидала прилив радости, но он задержался в пути, а потом и вовсе не соблаговолил появиться.

Но и в тот раз Берта не убралась из ее жизни. А через несколько лет жизнь без Берты вообще казалась недостижимой мечтой, потому что теперь Гизела была помолвлена с Леонардом. Что ж, пусть так. Странности Леонарда компенсировались его богатством, а также полным неумением обращаться с оным.

Идеальный муж. Главное, держаться поближе к его деньгам и подальше от него самого.

А в прошлом году в их жизнь ворвались вампиры, и ничто уже не было прежним. Но даже несмотря на разницу в экзистенциальном статусе, Берта продолжала над ней издеваться. Исчезновение прямо перед Балом стало завершающим штрихом на батальном полотне. Скандалище будет, какого не видывали ни свет, ни тьма! Ведь Бал задумывался как торжество в честь двойной свадьбы. Двойной! Гизела пред-

ставила себе Парадную Залу, битком набитую вампирами. Страшно и подумать, что они сделают, когда не досчитаются одной невесты.

* * *

После аудиенции с виконтессой, Уолтер вернулся в свою комнату, где и намеревался просидеть до рассвета. Но каждую секунду ждать подвоха от вампиров все же лучше, чем прозябать в конторе. Более того, прочитав «Божественную Комедию» Данте, Уолтер удивился, что в аду не оказалось круга, где грешники были бы прикованы к пыльным бюро, заваленным бумагами тридцатилетней давности. Счастливчики! Им не приходилось выслушивать показания о том, как соседская курица злокозненно пробралась в чужой огород, дабы нанести ущерб грядке с клубникой. Они не присутствовали на тяжбе, которая тянулась еще со времен Эдуарда Исповедника. Иными словами, ад был курортом по сравнению с жизнью помощника стряпчего.

И ничего нельзя поделать! Он был обречен с рождения. Уже тогда ему всучили сценарий, где были расписаны все его действия на годы вперед. Начать карьеру с простого клерка, а к тридцати самому стать адвокатом. Достигнув веса в обществе, озаботиться покупкой дома – с гостиной, и несколькими спальнями, и детской на третьем этаже, и кухней под лестницей – а когда гнездышко будет свито, отыскать достой-

ную миссис. Уолтер уже представлял ее соломенные волосы с прямым пробором и ручки, благонравно сложенные на коленях. Указательный палец она всегда держит между страницами молитвенника. Уолтера она будет любовно называть «мистер С».

У них будет как минимум семеро детей, из которых хотя бы пятеро доживут до совершеннолетия. Летом вся семья будет выезжать на море, в тот же Рамсгейт или Брайтон. Иногда они будут давать званые обеды, приглашая коллег мистера Стивенса и дам, вместе с которыми миссис Стивенс занимается благотворительностью. А когда мистер Стивенс, уже белобородый патриарх, переживший свою жену, возляжет на смертном одре в окружении детей, внуков и правнуков, он оглянется на длинную, полную свершений жизнь и скажет:

– Тьфу ты черт, лучше бы меня вампиры загрызли, хоть какое-то разнообразие!

Еще с детства ему хотелось плеснуть чернил на страницу с убористым текстом и удрать под сурдинку. Вырваться туда, где серый цвет еще не вытеснил зеленый, в мир, преисполненный чудес. Подобно многим своим современникам, Уолтер подставлял ладони, ловя последние капли ускользающего волшебства. Для некоторых его соотечественников феи стали воплощением прекрасного далека. Ведь недаром же столько художников жаждали запечатлеть их хороводы, столько писателей твердили, что верят в них, верят, верят, верят!

Да, феи были популярны, но для Уолтера именно вампиры стали краеугольным камнем его мировоззрения. Он не сомневался в том, о чем с разницей в несколько веков твердили и Джеффри Чосер, и Шарлотта Бронте – что феи давным-давно сделали ноги из Англии, так что искать их бесполезно. Иное дело вампиры, которые водились на вполне определенной территории – в Карпатах. Если бы вампиров не было, их следовало бы выдумать. Но Уолтер надеялся, что они все же существуют. Слишком много поставлено на карту.

Блестяще окончив духовное училище, его старший брат Сесил служил викарием и активно подсиживал своего начальника, приходского ректора. Не оставалось сомнений, что вскорости он приберет к рукам весь приход. Эдмунд обретался в Индии, куда в прошлом году уехала и Эдна, выскочив замуж за его полкового товарища. Джордж, младший из сыновей, пока что учился в школе, но за образцовое поведение был назначен старостой. Его спальня ломилась от конфет и мраморных шариков, с помощью которых одноклассники надеялись снискать его расположение. Все братья были такими – ловкими, удачливыми, самоуверенными. Все, кроме Уолтера.

…Так что вампиры обязаны существовать! Он станет первым англичанином, который установит с ними контакт, напишет книгу о своих приключениях и вернется домой маститым литератором. И уж тогда-то родня его зауважает. Хотя

черт с ним, с уважением, пусть хоть смеяться перестанут.

От вампиров умозрительных мысли Уолтера переметнулись к вампирам конкретным. К Гизеле фон Лютцензем-

мерн. Как блестели черные локоны, в которых запутались лунные лучи, как горели ее глаза! Настоящая принцесса из сказки, не чета его блеклым соотечественницам. Он представил, как Гизела машет ему из высокой башни и сбрасывает вниз длинные черные волосы. Вскарабкайся Уолтер по ним, и тут же будет укушен… а что если нет? Может, она не такое злобное чудовище, как ее отец? Всего лишь пленница в замке? Что если пасть к ее ногам и уговорить ее бежать из этого узилища? И тогда… Юноша закрыл глаза и увидел, как прекрасная вампирша обнимает его на фоне огромной, в полнеба луны. Дальше этого образа мысли пока что не продвинулись. Быт с немертвой женой трудно себе представить. Вряд ли Гизела будет готовить ему рождественские пудинги. Если задуматься, вряд ли они вообще будут отмечать Рождество… Не лучше ли вернуться к лунным объятиям?

Чтобы снискать ее расположение, он должен найти мисс Штайнберг, думал Уолтер. Не то чтобы он хотел отдать бедняжку на растерзание вампирам. Отнюдь. План его был таков – найти Берту Штайнберг, но не возвращать ее в замок, а привести к ней Гизелу. Наверняка две девицы договорятся безболезненно или хотя бы без серьезных увечий. Он же видел Гизелу своими глазами! Она не может быть монстром! Наверняка отец сделал ее немертвой насильно! А когда он выполнит поручение виконтессы, та поймет, что ему можно доверять.

В том, что он сумеет найти Берту Штайнберг, Уолтер не

сомневался. На самом деле не так уж сложно выяснить, куда сбежала молодая девушка. Достаточно просклонять местоимение «кто» – «от кого», «к кому», «с кем».

* * *

– … И тогда в синих, как топазы, глазах Этьена вспыхнула бешеная страсть!!!

– В зеленых, – поправила сиделка. На коленях она держала журнал, в который старательно конспектировала рассказ пациентки.

– Что?

– Зеленые, говорю, глаза у него были.

– А вот и синие!

– Нет, ну кому из нас лучше знать? – фройляйн Лайд раздраженно отлистала с полсотни страниц назад и прочла, – «Среди толпы мужчин, жаждавших пригласить меня на тур вальса, был и вампир по имени Этьен, с темно-зелеными, словно отполированный нефрит, глазами».

– У него были разные глаза, – нашлась Кармилла. – Один синий, другой зеленый. Так даже красивее.

– Гораздо.

– Не подскажете, на чем я остановилась?

– Вы рассказывали про очередную охоту на оборотней, – помогла сиделка. – На этот раз вы оставили дома любимый меч и отправились душить их голыми руками.

– У нас, вампиров, есть некоторые сверх способности, – скромно заметила девушка. – Итак, звезды в ужасе попрятались за облака, когда я вступила под полог зачарованного леса…

Медсестра вновь взялась за увесистый фолиант. Еще два журнала, уже исписанные, лежали под табуретом. Неудивительно, ведь она строчила 7 часов подряд, да еще столько же вчерашней ночью. Доктор Ратманн велел ей завести «Историю Болезни Пациентки К»., а после собирался отправить сей ценный документ какому-то коллеге, молодому врачу… Как его там… Кажется, фамилия на «Ф» начинается.

Пока Кармилла живописала свои приключения, сиделка монотонно кивала, продолжая записывать. Хотя голос у пациентки был тонкий, чтобы не сказать визгливый, он удивительным образом убаюкивал. Фройляйн Лайд чувствовала, как мысли ее уносятся прочь, далеко отсюда, и на пустой еще странице проступало знакомое лицо. Сиделка прикусила губу. Сколько раз давала себе зарок не думать об этом, хотя бы на службе не думать, но нет! И ведь никакие вампиры не сравнятся по коварству с ее собственным воображением, которое раз за разом выкидывает такие фортели. А потом и рука задвигалась не в такт словам пациентки, и карандаш вывел:

«Знаешь, мне никогда не удавались любовные письма. Хотя откуда тебе знать, если я так ни одного и не отправила? Что, в общем-то, и следовало доказать.

Сказать ли, что я люблю тебя? Но это чересчур банально, а в подобных обстоятельствах еще и лицемерно. Разве что я расскажу тебе про мой сон? Он посещает меня так часто, что в пору назвать его вещим. Только я не верю в вещие сны. Должны же быть хоть какие-то суеверия, в которые я не верю. Передо мною стоишь ты, я протягиваю руку и глажу твою грудь, чтобы почувствовать как – словно мотылек зажатый в ладони – бьется твое сердце. Но мои пальцы тщетно вслушиваются в тишину. В груди у тебя пусто и холодно. Человек, превратившийся в статую. И тогда мне хочется сложиться вдвое и закричать, потому что это моя вина, я не смогла защитить тебя от них. Хотя какая из меня защитница, когда я за себя-то постоять не умею? Да и примешь ли ты мое заступничество? Сомневаюсь.

Как-то раз я поклялась, что без тебя мне не жить. Я ведь не соврала, правда? Теперь я без тебя и я не живу».

– Фройляйн Лайд? Вы меня вообще слушаете?

Сиделка вымарала каждую строку, и как ни в чем не бывало, посмотрела на Кармиллу.

– И что это вы там зачеркиваете? – девочка вытянула шею, силясь заглянуть в журнал, но фройляйн Лайд вовремя его захлопнула.

– Так, отсебятина. Мои комментарии, довольно неудачные. Думаю, пора закончить наше интервью и начать лечение. Что скажете, сударыня? Приступим? – она недобро усмехнулась, и больная сникла под ее колючим взглядом.

Фройляйн Лайд уже пришла к выводу, что с Кармиллой нужно обращаться посредством кнута и пряника. В буквальном смысле. Ну, первый-то способ никуда не денется. Наверняка здесь найдется парочка крепких кнутов, применяемых в терапевтических целях. Так что фройляйн Лайд решила начать со второго.

– Хочу задать вам задачку. Представьте, будто вы обыкновенная современная барышня.

– Даже представлять такой кошмар не хочу!

– Понимаю, это сложно. Ведь вы королева проклятых, и в ваше окно регулярно залетают мужчины с ювелирными глазами. Хорошо. Но напрягите воображение и представьте себя на месте обычной барышни. Что бы вам хотелось съесть на ужин?

Кармилла захлопала глазами.

– Как – хотелось? Ела бы то, что в тарелку положат.

– Ну а любимая еда у вас была… бы?

– Нет. Еду нельзя любить. Настоящая леди не должна много есть, это против всех принципов.

Настоящая леди. Как же, черта с два. Губы Кармиллы шевелились, но фройляйн Лайд слышала чужой голос: «О какой добавке может быть речь? Ты и так съела слишком много! И не смотри на бифштекс, дорогуша, это не для тебя. От мяса зарождаются плотские желания, а отсюда недалеко и до сладострастных содроганий!». Что там доктор говорил про нормальный вес? Чушь какая. На девчонку дунешь, и с ног

свалится.

– А как же сладости?

– Сладости? Ну… однажды кухарка посыпала немножко сахара на хлеб с маслом, но вышел скандал, и хлеб отослали на кухню… Точнее, это произошло бы, будь я обычной барышней. Хорошо, что я вампир.

Сиделка нахмурилась, словно боксер, который собирается ударить противника ниже пояса, да еще и перчатку свинцом утяжелил. Нечестно пользоваться тем, что Кармиллу лечили отдыхом, по методике американского доктора Митчелла, а значит, из еды она могла рассчитывать только на жирное молоко. Вздохнув, фройлян Лайд вытащила из кармана что-то квадратное, завернутое в вощеную бумагу. Медленно, наслаждаясь драматическим эффектом, она развернула обертку, и в комнате запахло корицей, мускатом и медом.

– Что это? – Кармилла воззрилась на подношение.

– Печенье, – проговорила сиделка с улыбкой Сатаны, предлагающего Господу нашему превратить камень в хлеб.

– Я не стану это есть! Я питаюсь одной кровью!

– Может, стоит разнообразить диету?

– Я выброшу его в окно.

– Зная, что я потратила на него свое – прошу заметить – более чем скромное жалование? Вы действительно сделаете это?

– Да! – кивнула Кармилла. – Потому что дети ночи – жестокие существа, и нам дела нет до чужих страданий. Мы над

ними смеемся.

– Ваша взяла, – согласилась сиделка. – Но не могу же я смотреть, как вы будете выбрасывать ни в чем не повинное печенье! Давайте так – я совершу обход палат, а вы в это время от него избавитесь. Договорились?

Не дожидаясь ответа, она положила печенье на кровать и вышла за дверь, не забыв запереть ее на ключ. Прошлась коридору, для проформы заглянув в несколько палат, где большинство безумиц уже мирно посапывали. Когда минуло достаточно времени, чтобы Кармилла и донесла печенье до окна, и просунула его через решетку, и пронаблюдала, как оно падает, фройляйн Лайд вернулась. Девочка уже забралась в постель, ее светлые волосы разметались по подушке. Сиделка заметила, что она быстро провела языком по зубам и вытерла руки об одеяло. Но несколько крошек все же прилипли к ее щеке. Значит, ликвидация печенья прошла благополучно.

Тут бы ей и уличить негодницу во лжи, но сиделка заколебалась.

– Фройляйн Лайд?

– Да, Кармилла? – она подоткнула одеяло и присела на край койки.

– А ведь вы мне поверили! Я о том, что вы могли остаться до утра и поднять штору, чтобы посмотреть, вспыхну я или нет. Или принести святой воды. Но вы ничего такого не сделали. Значит, все-таки поверили?

В груди у нее вдруг сделалось как-то гнетуще-противно, точно желчи хлебнула. Она не сомневалась, что стоит ей переступить порог церкви, как вода вскипит в купели, а орган сам собой заиграет Dies Irae. Ну и что ответить этой дурехе?

– У меня на вампиров глаз наметан. Сразу опознаю упыря, если увижу.

– Фройляйн Лайд?

– Да, Кармилла?

– Вы не могли вы меня поцеловать?

Глаза медсестры распахнулись и она вздрогнула, как от пощечины.

– Почему вы меня об этом просите?

– Мама всегда целовала меня на ночь. Когда была жива, ну и когда я тоже была жива, само собой.

Наклонившись, сиделка коснулась губами ее лба. Кармилла поежилась, как если бы по ее коже провели кусочком льда, а сиделка поспешно убрала руки за спину и впилась ногтями в ладонь. Никаких нервов не хватит на такую работу! И ведь никто не предупреждал, что в ее обязанности будут входить поцелуи с больными. Иначе обходила бы эту больницу за несколько миль, как барак для прокаженных.

– Фройляйн Лайд?

– Ммм?

– Боюсь, мне не уснуть. Мне такие кошмары иногда снятся, ужас просто.

«Еще бы, с такой-то неразберихой в голове», – подумала

сиделка.

– Я обо всем позабочусь.

– Только не заставляйте меня пить лауданум! – взмолилась Кармилла. – От него потом спазмы в желудке.

Лауданум, или настойка опия, считался чуть ли не панацеей. Им лечили всё, от менингита до расстройств сна. В свое время фройляйн Лайд хлебнула достаточно опийной настойки и пришла к выводу, что это та еще дрянь.

– Обойдемся без снотворного.

Фройляйн Лайд провела рукой над глазами Кармиллы, словно притягивая ее веки вниз за невидимые нити. Девочка почти мгновенно расслабилась, рот чуть приоткрылся. Тогда сиделка склонилась над ней и для верности тихо пропела по-итальянски:

> Fatte la ninna, fatte la nanna
> dint'a la cunnula de raso
> Ninna nanna, ninna nanna.

Теперь Кармилла дышала глубоко и покойно. И ни один кошмар не постучится к ней в голову, ни одно чудовище не вылезет из-под кровати. Чудовища тоже соблюдают субординацию. При виде фройляйн Лайд они стали бы во фрунт.

Смена уже закончилась, и наша героиня возвращается домой. Пожалуй, мы составим ей компанию, а заодно и присмотрим за барышней, чтобы никто ее не обидел ненароком. Ведь ее путь лежит через трущобы. Хотя поздний час уже

перетекает в ранний, здесь все еще слышны крики и звон стекла. У редких фонарей еще толпятся помятые, размалеванные особы в ярком тряпье, которые бросают презрительные – или завистливые – взгляды на ее скромное платье и белую пелерину. Мужчины в разных стадиях опьянения подпирают стены. Когда один из люмпенов выходит из тени и вразвалку идет за ней, девушка прибавляет шаг, потом и вовсе пускается наутек. Она не позволит, чтобы на нее снова напали. Нет, только не сегодня. Это будет так гадко, так унизительно, если сегодня! Должны же у нее быть принципы.

Иное дело завтра. Раз в неделю можно расслабиться. Сиделка мечтательно улыбается, представляя, как славно она скоротает ночку в приятной мужской компании.

Вот она у доходного дома. Быстрыми шагами фройляйн Лайд спускается в подвал, заходит в свою комнатенку, темную как пещера, зажигает керосиновую лампу. Закрывает дверь на замок и еще три щеколды. От вампиров это не защитит. Им ничего не стоит одним ударом выбить дверь. Они так и сделают, когда придут за ней. Но хоть люди не будут соваться. Покончив с мерами предосторожности, девушка стягивает платье через голову. Теперь на ней только лиф и нижняя юбка. Персоналу Св. Кунигунды запрещено носить корсеты, которые врачи винят во всех женских хворях, но девушка и так их терпеть не может. Она скорее залезла бы в Железную Деву, чем позволила себя зашнуровать. Вот она снимает и лиф. Заметив, что мы за ней наблюдаем, поспеш-

но отворачивается. Тем не менее, мы успеваем разглядеть золотой медальон у нее на груди.

Пришло время вечернего туалета. Наполнив тазик водой из фаянсового кувшина, фройляйн Лайд склоняется над столом. Медальон стукается о край, и девушка перебрасывает его на спину. Умывшись, она расчесывает темные волосы и заплетает их в две косы. Надевает сорочку из тончайшего батиста, щедро отделанную кружевом, и прячет волосы под ночной чепец с голубыми атласными лентами. Откуда, спросите вы, такая роскошь у простой медсестры? Вот и нам интересно.

Наконец-то можно отдохнуть после тяжелой смены. Крохотное оконце едва пропускает свет, но девушка задергивает его занавеской из плотной ткани. Не хватало еще, чтобы июльское солнце беспокоило ее заслуженный трудовой сон. Затем фройляйн Лайд забирается в кровать, снимает медальон, целует его и кладет на подушку.

– Меня нет рядом, а значит, все будет хорошо. Спи спокойно, – говорит она медальону и сама тут же засыпает.

Глава 4

Перед новой вылазкой в деревню Уолтер спустился в кухню, где Эвике сидела у едва теплившегося очага, накручивая волосы на папильотки. При виде гостя она встрепенулась и протянула ему корзину, а так же список продуктов, в котором значилось следующее:

1. Хлеп.
2. Свечы.
3. Зупной парашок.

Последний пункт на некоторое время ввел юношу в ступор. Вот ведь как тщательно упыри готовятся к Балу!

– А деньги? – спросил англичанин.

– С деньгами любой дурак купит, – хитро подмигнула горничная, но прочитав ужас в его глазах, добавила. – Попросите в долг.

Уолтер облегченно вздохнул. Начинать день с воровства как- то не хотелось.

Ранним утром лес был не так страшен, как ночью, и уже не казался сплошной непроглядной массой, густой, полной пугающих звуков, словно квинтэссенция всех кошмаров. Горный воздух не успел нагреться и как следует пропитаться запахом хвои, но уже кружил голову подобно разбавленному вину. Дорогу впереди заволокло дымкой, которая понемногу начинала рассеиваться. Серые, поросшие мхом скалы взмы-

вали ввысь, и деревья, воодушевленные их примером, тоже тянулись изо всех сил, ловя лучи восходящего солнца. Дорогу со всех сторон обступали заросли папоротников. Ярко-зеленые и узорчатые, они колыхались, как хвосты диковинных птиц, а рядом пестрели цветы – и колокольчики, и пушистая желтая горечавка, и водосбор, похожий на падающую комету. На листьях растений еще сверкали капли росы, словно сама природа разбросала по траве осколки зеркал в насмешку над обитателями замка.

Вскоре юноша разглядел и деревню, казавшуюся игрушечной с такого расстояния. Виднелись беленые известью дома, кое-где крытые черепицей, но все больше соломой. За околицей начинались поля, издали напоминавшие латанное-перелатанное одеяло, а поодаль махала крыльями ветряная мельница, силясь оторваться от бренной земли. Уолтер не мог пропустить и сельскую церковь, с зеленой крышей и невысокой колокольней со шпилем. Нужно заскочить туда за святой водой, решил англичанин. Как бы он сам ни относился к католической вере, но вампиры ее уважали.

Через час он спустился в деревню, где утренняя суматоха уже успела поутихнуть, мужчины отправились кто на поле, кто в колбасный цех, женщины хлопотали по хозяйству. Уолтер прогулялся по улице, разглядывая аккуратные домики, окруженные невысокими каменными заборами или плетнем, увитым вьюнком. Собаки встречали чужака меланхоличным лаем. Подсолнухи склоняли перед ним тяжелые

головы. Сливы, которые росли возле каждого дома, похвалялись темно-сизыми плодами, так и подначивая нарушить восьмую заповедь. Стены домов были украшены сушеными тыквами-горлянками и связками пылающей паприки, любимой приправы в здешних краях. Бытовало мнение, что именно острая пища служит причиной кошмаров, но – как англичанин уже успел убедиться! – вампиры и специи относились к раздельным сферам, никак друг с другом не соприкасавшимся. Было между ними лишь одно сходство – и то, и другое вполне реально.

Сначала Уолтер направился к колодцу, где собирались местные Ревекки. Колодец в деревне – это место общественного значения, эквивалент светского салона. Где еще узнать свежие сплетни, как ни здесь? Увы, языковой барьер вырос перед Уолтером неприступной стеной. На местном диалекте он мог оперировать лишь такими базовыми терминами как «вурдалаки», «яремная вена», «кровь», «чеснок», и «без паприки, пожалуйста». Кроме того, стоило этнографу появиться на горизонте, как селянки разразились устным народным творчеством. Уолтер стал духовно богаче на несколько песен, но ничего нового про Берту Штайнберг так и не узнал.

Следующей остановкой стал трактир «Свинья и Бисер». В столь раннее время суток он был относительно пуст, за исключением двух пьянчуг, которые еще со вчерашнего вечера мирно дремали под столом. Позевывая, служанка Бригитта уже начала наводить чистоту, для коих целей плеснула на

пол воды из ведра и тряпкой размазывала грязь направо и налево, направо и налево. На стойке серой мохнатой лужицей растеклась трактирная кошка. При виде Уолтера она открыла янтарный глаз, но не сочла юношу достойным августейшего внимания и снова погрузилась в сон. Даже мухи бились о стекло нерадиво.

Габор Добош стоял за стойкой и, вооружившись клещами, выпрямлял ржавые гвозди, которыми была утыкана увесистая дубина, применявшаяся в трактире с той же целью, с какой в Св. Кунигунде использовали лауданум. Дубина представляла собой разновидность колыбельной. Очень мощной колыбельной. Такой, от которой поутру просыпаешься с дикой головной болью. Впрочем, завсегдатаи «Свиньи» и так просыпались с головной болью, так не все ли равно, что стало ее причиной – излишек сливовицы или превентивный удар по затылку. Дубина была не единственным оружием в трактире. Возле полки, уставленной пузатыми бутылками, висел зазубренный меч, доставшийся Габору от какого-то деда с бесконечным числом «пра». Меч еще ни разу не снимали со стены, но одного многозначительного взгляда на него хватало, чтобы утихомирить самую буйную попойку.

– Ого, да у нас первый посетитель! Ранехонько пожаловали, сударь, – и трактирщик почтительно поклонился гостю. Его отношение к неведомой Англии значительно потеплело. Страна, чьи граждане заявляются в кабак рано поутру, и которая при этом продолжает функционировать, достойна ува-

жения.

Юноша откашлялся.

– Чудесная погода стоит, вы не находите? Очень… погожая. И ветерок такой приятный, такой… юго-западный, – трактирщик насупился. – Как проходит сенокос? Хорошо ли уродились фрукты? – трактирщик потянулся к дубине. – Все ли благополучно в вашем заведении? Надеюсь, оно приносит доход.

– Не жалуемся. Если вы насчет налогов, так они давно уплачены.

На всякий случай Габор подхватил дубину, а Бригитта выпрямилась и уперла руки в бока.

– Где Берта Штайнберг? – сдался Уолтер. – Знаете?

– Как не знать, – расслабился трактирщик. – Гостит у тетки в Гамбурге.

– Герр Леонард, поди, всей деревне уши прожужжал, что она туда поехала за обновкой. Будто мало ей! Никогда ведь одно платье два раза не наденет. Но оно и понятно, коли в ее платьях микробы заводятся! – служанка доверительно подмигнула Уолтеру. – Они там по всему дому расплодились. Просто спасу нет. Куда герр Леонард не сунется со своим мелкоскопом, так всюду их находит. Сдается мне, он их на себе и таскает. Вроде благородный господин, а вшей своих повывести не может!

Уолтер достал любимый блокнот и приготовился записывать показания.

– Опишите мне фройляйн Штайнберг. Какого цвета у нее волосы?

– Кто ж их разберет? Она все время шляпки носит.

– Глаза?

– Полно, сударь, станем мы ей в глаза-то заглядывать! – Габор развел руками. – Мы свое место знаем. Негоже таращится на такую даму.

– Высока ли ростом?

– Да не то чтобы и высока, но и не слишком низкая.

– Если сравнивать с фройляйн Гизелой, она была бы выше или ниже?

– Вот чего не знаю, того не знаю. Никто из наших не видывал, чтоб они с ее милостью рядышком стояли. Люто друг друга ненавидят. Как говорится, две кошки в одном мешке не улежатся.

– Она красива?

– Виконтесса, что ли?

– Да нет же! – сомневаться в красоте Гизелы мог лишь отъявленный кощун. – Берта Штайнберг.

– Не очень, – честно признался трактирщик.

Уолтер имел некоторое представление о местных эстетических стандартах. «Некрасивая девушка» – растяжимое понятие, куда входило все от «страшнее эпидемии оспы» до «слишком хрупкая, чтобы поднять теленка одной рукой».

– Но на что ей красота, с такими-то деньжищами? – бросила Бригитта, возвращаясь к работе. – Небось и так замуж

позовут.

…Или уже позвали? А это мысль! Веревочная лестница, спущенная с балкона, побег в темноте, тайное венчание в маленькой часовне…

– Было ли у нее романтическое увлечение? – пробормотал Уолтер, конфузясь задавать такой приватный вопрос.

– Чиво?

– Она влюблялась в кого-нибудь?

– Ась?

– Парень, говорю, у нее был?

– Женихалась, что ли, с кем на стороне? – Габор еще раз снизил стилистическую планку. – О том мне неведомо.

– А может, и было чего, да мы все пропустили! – опять встряла служанка. – Она часто гуляет одна-одинешенька, может, на свиданки к кому бегает.

– Где она любит гулять?

– Да все больше вокруг замка, то в лес сунется, то по горам лазает. Нехорошо это, все ж она не из простых. Дама должна в гостиной сидеть и носу наружу не казать, а ей все неймется, – тут хозяин строго взглянул на девушку, и она поспешила сменить тему. – Зато какие у нее платья, любо-дорого глядеть! И атласы, и бархаты! А на одном платье такой длинный шлейф, что она как пройдет по улице, после уже и подметать не нужно!

Больше Уолтер ничего от этой парочки не добился. Устав разговаривать с пустотой, он ушел, оставив корзину, кото-

рую Бригитта любезно пообещала наполнить продуктами из списка.

Сам Уолтер не удержался и все-таки сунулся к бакалейщику с теми же вопросами. Но ни сам торговец, ни его покупатели так и не сообщили про Берту ничего вразумительного. Они в деталях описывали ее платья, а про саму девушку – ни слова. Как будто она была лишь механизмом для перемещения костюмов в пространстве. Неужели Берта Штайнберг настолько невзрачна? Тут Уолтер вспомнил Леонарда, с его бледным, невыразительным лицом, и этот вариант уже не казался странным.

Сейчас юноша стоял у двери сельской церкви, не решаясь войти. О католичестве он судил в основном по рассказам дедушки. Когда Джебедайя Стивенс заводил речь про ирландцев, этих чертовых папистов, то так брызгал слюной, что те, кто сидел за другим концом стола, украдкой вытирались салфетками, а те, кто поближе – и вовсе прятали головы под скатерть.

Другим источником информации о папистах была книжка в черном переплете, которую Уолтеру подарили на совершеннолетие хихикающие кузены. Книга называлась «Шепот в келье, или Веселые флагеллянтки» и была проиллюстрирована щедро, от души. Женщины на картинках явно были монахинями, ибо волосы их прикрывали платки. Собственно, этим и ограничивалась вся одежда. Любовь к ближнему своему стала их главным принципом и все двести страниц они воплощали его в жизнь различными способами. В который раз Уолтер подумал, что веселье прошло мимо Англии.

Рано или поздно боязнь вампиров пересилила недоверие к чужой религии, и Уолтер проскользнул в церковь, озираясь по сторонам. К его разочарованию, идолов, вымазанных жертвенной кровью, здесь не оказалось. Лишь белые стены с изображениями остановок Крестного Пути, алтарь, да потемневшая от времени статуя Девы Марии, с четками в протянутой руке. У ног статуи полыхал венок из багряных и желтых хризантем.

Было здесь пусто и тихо. Уолтер присел на край скамей-

ки, надеясь, что рано или поздно сюда заглянет священник, но прошло несколько минут, а он и не думал появляться. От нетерпения юноша начал барабанить по дереву костяшками пальцев, но одернул себя. В церкви нельзя свистеть, вертеться, и вообще вести себя безобразно. В церкви должно молиться, искренне и горячо. Но еще в детстве у Уолтера начались с этим проблемы. Он старался лишний раз не привлекать к себе внимание небес, а то вдруг там сочтут, что его молитвы недостаточно искренние – второсортные, в общем. И решат его наказать. А поскольку у Господа Бога все-таки возможностей побольше, чем у мистера Риверса, директора школы, одной тростью Он не ограничится.

Но сейчас, пожалуй, и правда, следовало помолиться, чтобы скоротать время. Другое дело, что Уолтер прогуливал уроки латыни, а католический Бог вряд ли станет разговаривать с таким невеждой. Но все-таки он бросил пробный камень.

– Господь, помоги мне отыскать Берту Штайнберг. Если тебя не затруднит, конечно. А если затруднит – то ничего, я сам как- нибудь. В любом случае спасибо, – он порылся в памяти в поисках чего-нибудь латинского, – …эээ… Vale!

Так прошел еще час. Веки Уолтера налились тяжестью, и он уже не помнил, как сполз на скамью и задремал. Проснулся он лишь, когда кто-то сильно встряхнул его за плечо.

– Да как вам не стыдно, молодой человек! Здесь храм Божий, а не ночлежка. Нет, я еще понимаю, если во время про-

поведи, но чтоб так! Ни с того, ни с сего!

Встрепанный, юноша вскочил и увидел, что над ним склонился старик, поднеся свечу так близко к его лицу, что на щеку Уолтеру капнул горячий воск. Загорелое лицо священника было таким морщинистым, что напоминало печеное яблоко с богатой мимикой.

Священник кивком указал на дверь. Уолтер, моргая, вышел за ним на крыльцо.

– Я отец Штефан, настоятель церкви, – старик протянул ему руку ладонью вниз и Уолтер, не зная, что в таких случаях предписывает этикет, осторожно потряс его за пальцы. Священнику это почему-то не понравилось.

– А вы кто будете?

– Уолтер Стивенс.

– Значит, вы тот самый этнограф, что взбаламутил всю деревню. А почему, позвольте спросить, я не видел вас на службе?

– Потому что меня там не было, – Уолтер предложил самый логичный вариант.

– А сейчас зачем пожаловали?

– Мне нужна освященная вода и освященное масло, – он хотел было добавить про освященный чеснок и святые колья, но смолчал.

– Для чего вам святая вода? – допытывался священнослужитель, явно обучавшийся у иезуитов.

– Эмм… я ее коллекционирую. Образцы из разных мест.

Священник посмотрел в ту сторону, где на утесе возвышался замок, и перевел взгляд на Уолтера.

– Сосуды для воды найдутся? – бросил он.

Англичанин вынул из карманов несколько флакончиков из-под духов, которые взял в бессрочный заем у сестер, и отец Штефан поморщился, глядя на фарфор, разрисованный золотыми розами.

– Что ж, и это сгодится. Подождите здесь.

Он надолго исчез в церкви, но когда вернулся, все флаконы были наполнены водой, а один – маслом.

– Сколько я вам должен?

– Христа с кнутом на вас нет! Стану я брать за такое деньги! Хотя вы и правда кое-что мне должны, – лицо его посерьезнело, – вы должны беречь себя. А еще вы должны уехать как можно скорее. Слышите? Возвращайтесь в замок поутру, собирайте вещи и прочь отсюда! Заночуете у меня, а сейчас попрошу вас со мной отужинать.

Домик священника находился буквально в двух шагах. Отец Штефан проводил Уолтера в столовую, где служанка, носившая подходящее имя Марта, проворно накрыла на стол, не забывая надрывно причитать. Знай она раньше про визит иностранца, приготовила бы настоящий гуляш, а не эти объедки, которые только для цыган и годятся! Но Уолтер уже истекал слюной, созерцая капустный рулет, жареную картошку с луком и шкварками, а на закуску – маринованные перцы и маленькие острые колбаски. «Марта сама готовит

колбасу», – изрек отец Штефан с таким важным видом, будто это было политическим заявлением. Грохоча сапогами, Марта убежала на кухню, испечь яблок на десерт, священник же прочел короткую молитву и осенил себя крестным знамением. Уолтер торопливо проделал то же самое, стараясь не думать про дедушку, который рвет и мечет облака в раю.

– Вы уж простите старика, что я давеча так сорвался, – попросил отец Штефан, откидываясь на спинку стула. – Но я уповал, что увижу вас на службе. Убыло моего стада, ох, убыло! С прошлого года я лишился нескольких прихожан, и каких!

– А фто проижофло в профлом году? – спросил Уолтер с набитым ртом.

– А в прошлом году, молодой человек, в наших краях стало меньше людей. Зато прибавилось вампиров.

Пока Уолтер, согнувшись над столом, пытался прокашляться, хозяин охаживал его кулаком по спине. Но лицо юноши стремительно краснело. Лишь когда священник, ухмыльнувшись, предложил провести обряд соборования, Уолтеру удалось взять себя в руки.

– Вампиров, вы сказали? – прохрипел англичанин.

– Их самых. Это ж надо до такого додуматься – и самим овампириться, и хорошую, благополучную семью в свои игры втравить. Совсем нечисть распоясалась! Решила устроить танцульки в замке! Нет, это ж надо наглость иметь! Прямо у меня под носом.

– Разве в деревне про это не знают?

– Да знают, конечно. Но раз уж вы пришли за святой водой, я могу сделать вывод, что вы знакомы с нашим главным вампиром? С их вожаком?

– Д-да. В некотором роде.

– В таком случае вам понятно, почему никто не хочет переходить ему дорожку.

– А вы, отец Штефан, так и будете сидеть, сложа руки?

– Что я могу? Созвать крестовый поход, телеграфировать в инквизицию? Прошло то времечко. Теперь никто в цивилизованном мире не верит в нечисть, и она этим пользуется. Вполне успешно, надо заметить.

Уолтер все никак не мог прийти в себя. Подумать только, он разговаривает про вампиров, и так запросто, за ужином! И его собеседник облачен в сутану, а не в смирительную рубашку. Возможно, священник не только в вампирах разбирается?

– Отец Штефан, вы знаете Берту Штайнберг? Ту, которая пропала?

– Знал, – поправил его священник. – Берта исповедовалась у меня пару раз, хотя она из тех девиц, которых нужно колотушками в исповедальню загонять. Из современных девиц, иными словами. Впрочем, она не так уж плоха. Правда, порок глубоко укоренился в ее душе, но кто из нас безгрешен?

– Она порочна? – спросил Уолтер, почему-то вспоминая

«Веселых флагеллянток».

– Скорее испорчена. Во всем виновато ее дрянное воспитание. С детства ей дозволялось абсолютно все. Стоило пальцем ткнуть – и желаемое подносят на золотом блюде. Вытяни руку – и звезда упадет в ладонь. Она шла по жизни, как нож по мягкому маслу, не встречая сопротивления, не работая локтями. А когда набрела на нечто такое, что уже не упакуешь в подарочную бумагу, ее отчаянию не было предела. Я давал ей советы, но ничего не помогло. В конце концов, она приняла правильное решение, – отец Штефан опустил голову. – Жаль ее. Несмотря ни на что, она была славной девочкой.

– Была? – ужасная догадка пронзила мозг и раскатилась по нервам, заставив юношу содрогнуться. – Вы думаете, что она уже мертва?

– Мертва, молодой человек? Ну конечно, она мертва!

– И ее смерть связана с вампирами?

– С кем еще, – отец Штефан равнодушно пожал плечами, словно повторял избитую истину.

– И вы так спокойно это говорите? Неужели все уже знают?

– Разумеется.

– И… и фройляйн Гизела?!

– Уж они-то с графом узнали в первую очередь.

В голову ворвался вихрь, закрутил и разбросал по сторонам и без того нестройные мысли. Берта мертва? Ее уби-

ли вампиры? Но зачем тогда Гизела послала его на поиски? Неужели чтобы отвести от себя подозрение? Чтобы отвлечь его, сбить со следа? Ну да! Пока он будет искать Берту, она сама…

Уолтер отбросил салфетку.

– Я должен идти!

– А как же яблоки?

– Отец Штефан, ну какие яблоки?! Не до яблочек теперь! Я должен срочно поговорить с Леонардом!

Священник тоже вскочил.

– Не вздумайте, молодой человек! Постойте! Да не ввязывайтесь вы во все это!

Отмахнувшись от криков, Уолтер сломя голову выбежал из столовой, и уже через пару секунд хлопнула входная дверь. Старик побежал вдогонку, но за молодежью, перепуганной и оттого вдвойне резвой, ему было не угнаться.

– In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti, – вполголоса произнес священник и перекрестил удаляющийся силуэт. – Господи, пусть он хотя бы просто погибнет.

* * *

Тяжело дыша, Уолтер остановился у забора из металлических прутьев. За ним лежал особняк Штайнбергов, где в этот момент происходила кровавая фантасмагория. Найти его было несложно, потому что сюда вела единственная мо-

щеная дорога, но о том, чтобы постучаться в ворота, не могло быть и речи. В борьбе с вампирами главное внезапность.

Никогда прежде Уолтеру не случалось перелезать через заборы. Если однокашники отправлялись грабить яблоневый сад, его оставляли на карауле. К счастью, прутья забора были в изобилии украшены чугунными розами и лилиями, есть за что зацепиться. Чувствуя себя настоящий Диком Терпином, легендарным разбойником с большой дороги, он полез на забор. Добравшись до самого верха, юноша перекинул через ограду ногу, намереваясь тем же манером сползти вниз, но потерял равновесие и рухнул в темноту.

Мало кто из домохозяев оставляет у забора перину, чтобы злоумышленникам было мягче падать. Так произошло и на этот раз. Тихо постанывая, Уолтер поднялся не четвереньки. Кости, кажется, целы – и на том спасибо. Хорошо хоть глаза не выколол! Руки были не в лучшем виде, а на левой ладони кровоточил глубокий порез. Уолтер достал носовой платок и кое-как перевязал рану, от всей души надеясь, что вампирша, которая сейчас рыщет впотьмах, не учуяла его кровь.

Закончив с первой помощью себе пострадавшему, Уолтер оглядел костюм и огорченно присвистнул. Сюртук утыкан шипами, одна штанина распорота от колена вниз, да и манжеты имели вид, уныние наводящий. Любой бродяга захотел бы с ним побрататься, зато человек приличный перешел бы на другую сторону дороги. Черт же дернул Штайнбергов посадить шиповник у самого забора!

Но то, что он увидел дальше, заставило Уолтера поверить, что именно демоны вдохновляли столь странный ландшафтный дизайн.

За шиповником росли другие кусты, на которых уже завязались ягоды. Рядом висела табличка, гласившая «Боярышник (Crataegus monogyna)». Уолтер без труда прочел эти слова, потому что они были написаны флюоресцирующими буквами и повторены на всех европейских языках. Такая табличка была бы уместна в оранжерее, подле какого-нибудь кактуса, цветущего раз в столетие. Но в обычном саду, но рядом с заурядным боярышником? И тут, прямо у своих ног, он заметил растение с длинными зелеными стеблями, которые заканчивались фейерверком пушистых цветов. Уж его-то Уолтер успел опознать, прежде чем табличка сообщила «Чеснок (Allium sativum)». Юноша втянул воздух и учуял знакомый запах. Согласно фольклору, и шиповник, и боярышник, и чеснок, ставший притчей во языцех, отпугивают упырей. Похоже, Штайнберги создали у забора полосу препятствий.

Дом фабриканта являл собой огромный прямоугольник, созданный архитектором, который так и не вырос из детского увлечения аппликацией. Тот тут, то там были натыканы барельефы, горельефы и другие элементы декора с неизвестными Уолтеру названиями. Тучные ангелочки с одержимостью скалолазов карабкались по стенам. На карнизах горбились горгульи. Когда у Уолтера перестал дергаться глаз, гость

поднялся по парадной лестнице – что было сродни восхождению на пирамиду – и робко постучал в дверь, которую сторожили два мраморных льва.

Перед ним возникла матрона в черном бомбазиновом платье с кружевным воротничком, скрепленном брошью из оникса. Серые глаза женщины недобро сверкали на одутловатом лице, губы были поджаты, а многоступенчатый подбородок плавно перетекал в массивную грудь. При виде посетителя экономка заколыхалась от негодования.

– Нищим не подаем.

– Вы не поняли! Мне нужно увидеться с Леонардом.

– У молодого господина неприемный день. Оставьте свою визитную карточку, – экономка ехидно улыбнулась, давая понять, что на такую цивилизованность она и не рассчитывает.

К счастью, за спиной Цербера появился Леонард и решительно распахнул перед Уолтером дверь.

– Еще какой п-приемный! Это же Уолтер Стивенс, мой друг из Англии! Как мило, что вы ко мне заглянули! Я так и знал, что штаммы наших микроорганизмов не оставят вас равнодушным! Вы свободны, фрау Бомме, – кивнул он экономке, но ее туфли пустили корни в паркете.

– Ваш отец велел докладывать, если в дом пожалуют незнакомцы. Пока герр Штайнберг не будет поставлен в известность, гостя я пропустить не могу.

Леонард автоматически поправил очки.

– Почему вы считаете, что ссориться со мной выгоднее, чем с моим отцом? Ведь я такой же, как он. У нас с ним одинаковый химический состав крови.

Уолтер в который раз подивился умению Леонарда изящно излагать свои мысли.

– Ваш отец ужасно разгневается, – сказала экономка, но уже без былой уверенности.

– Именно! Но я-то отделаюсь парой оплеух, а вам он может отказать от места, если сочтет, что вы увидели нечто не предназначенное для ваших глаз.

Некоторое время экономка переваривала услышанное. Затем ее губы медленно сложились в улыбку, которая забуксовала где- то в районе щек, так и не достигнув глаз. В глазах ее Уолтер по- прежнему отражался во всем своем ничтожестве.

– Угодно ли вашему гостю выпить чаю или кофе?

– И правда, Уолтер? – подхватил Леонард. – Или чего-нибудь покрепче? У нас отличный винный погреб. Там такая плесень растет, просто загляденье. А еще там есть вино, – добавил он снисходительно.

– Благодарю, но не сейчас, – пробормотал гость.

– А вам, герр Леонард? – поколебавшись, предложила экономка. – Принести… чего-нибудь?

– Я так и подавно ничего не буду. За мной, Уолтер! Простейшие нас заждались!

Молодые люди поднялись по лестнице, покрытой ковром

с таким ворсом, что в нем вязли ноги, и почти полмили шли по коридору, лавируя между кадками с пальмами.

– Скажите, Леонард… – начал Уолтер.

– Может, перейдем на «ты»? Мы ведь дружим уже четыре дня. Так долго со мной еще никто не дружил!

– Хорошо. Скажи, герр Штайнберг жесток с тобой? – спросил англичанин, жалея нового друга.

– Отец бывает вспыльчивым, но главное не подворачиваться ему под горячую руку. Вернее, под холодную, – и Леонард улыбнулся лишь одному ему понятной шутке.

– И долго ты намерен сносить побои? Ты же взрослый человек! Уезжай и сам строй свою жизнь! – сказал Уолтер, чуть не добавив «как я».

– Не могу. Я его наследник и должен продолжать наше дело.

Уолтер посмотрел в сторону, силясь скрыть разочарование.

А Леонард не так уж простенек. Готов терпеть любые унижения, лишь бы в будущем заграбастать папашин капиталец. Ну и ну! Вот так семейка, один другому под стать!

Наконец они дошагали до кабинета молодого ученого. У двери Леонард улыбнулся, словно взрослый, который вот-вот пустит ребенка к рождественской елке, затем торжественно ее распахнул. Как только Уолтер вступил в комнату, на нос ему капнуло что-то липкое и теплое. Когда он поднял очи горе, то увидел на закопченном потолке зеленое желеоб-

разное пятно. Так по описаниям выглядела эктоплазма.

– Это ничего, – засуетился Леонард, проталкивая его вперед. – П-просто неудачный эксперимент. Слишком долго на-а-гревал жидкость, вот она и… Но потолок уже чище процентов на восемьдесят!

Пресловутые 80 % эксперимента лежали на полу, и гостю пришлось встать на цыпочки, чтобы ни во что не вляпаться. Интуиция подсказывала, что эта штука питается ботинками.

По стенам кабинета тянулись стеллажи с фолиантами в скучных обложках, возле окна висели портреты Дарвина и Луи Пастера. То тут, то там стояли столы со спиртовками, колбами и пробирками. В некоторых сосудах что-то бурлило, и пар из них валил, прямо скажем, смрадный. Заглядевшись, Уолтер позабыл про коварное желе, которое не преминуло подставить ему подножку. Нога скользнула по ковру и, чтобы удержать равновесие, Уолтер схватился за край стола. От удара колбы подпрыгнули и зазвенели.

– Осторожнее! – не оборачиваясь, крикнул Леонард. Сейчас он колдовал над микроскопом, бормоча под нос латинские названия бактерий. Для непосвященных ушей они звучали как заклинания.

– Постараюсь.

Перевязанная ладонь начала саднить, а через серую от грязи ткань проступило темное пятно, которое все разрасталось. Надо же так неудачно стукнуться! Тут в его голову постучалась хорошая идея, одна из многих за сегодняшний

день. Наверняка у Леонарда столько спирта, что хватит на гусарский полк. Будет чем очистить рану. Больно, конечно, но всё же лучше, чем гангрена.

– Леонард, не одолжишь мне немного спирта? – позвал юноша, снимая платок.

– Просто так будешь или с закуской?

– Да ну тебя! Мне нужно рану обработать.

Когда Леонард обернулся, Уолтер показал ему ладонь, где свежая кровь струилась по запекшейся. То была неплохая имитация сцены, произошедшей почти две тысячи лет назад, с той лишь разницей, что апостол Фома тогда не издал булькающий звук и не рухнул на колени, зажимая руками рот.

– С тобой все в порядке?!

– Нет, – слабо простонал Леонард.

– Что-то случилось?

– Меня тошнит.

– От меня, что ли? – сразу обиделся Уолтер.

– Не совсем. От вида твоей крови.

– Кровь как кровь. Не хуже, чем у других.

Леонард поднял на него измученные глаза с красными прожилками.

– Ты только не об-бижайся, ладно? Просто у меня гемофобия. Еще с детства. Не м-могу смотреть на человеческую кровь, – его тело сотряс спазм. – Она такая отвратительная! Там столько всего водится!

– Ну, хорошо, просто скажи, где спирт.

– Слева от микроскопа целая бутыль. В верхнем ящике стола найдешь вату и марлю. Поторопись, пожалуйста!

– Я мигом!

Отыскав все необходимое, Уолтер торопливо перевязал рану, а Леонард все это время сидел на полу, прикрывая лицо руками. Когда англичанин подошел к нему, он отодвинул указательный палец и воззрился на друга одним глазом.

– Все?

– Все.

– Уффф.

Леонард шумно выдохнул и поднялся на еще дрожащие ноги.

– Это уже в прошлом, – успокоил он себя. – Так, чем бы мне тебя занять? Вот, гляди!

Уолтер послушно склонился над микроскопом и увидел нечто зеленое, текучее, по форме напоминающее тапок с бахромой. Существо ползало по стеклу, при этом шевеля ресничками с видом заправской кокетки.

– Это мой свадебный подарок Гизеле. Еще неизвестный науке вид инфузории! Я назову ее Paramecium giselia. Мне кажется, эта инфузория на нее очень похожа!

– Чем?

– Ну, – задумался Леонард – Для начала, у Гизелы тоже есть ресницы.

Уолтер тихо простонал. Даже если Гизела и была безжалостной убийцей, она не заслужила, чтобы грядущие поко-

ления сравнивали ее с ожившей слякотью.

Леонард ловким движением сменил стеклышко с образцом.

– А теперь посмотри сюда! – произнес он тоном шеф-повара, который представляет гурману блюдо из трюфелей. – Вот такой вольвокс я выловил в нашей запруде. Хорош, чертяка! И представь – тоже неизвестный в-вид! Давай изучать его вместе?

«Еще одно нестандартных размеров животное – и меня точно вывернет», – подумал Уолтер.

– Может, чуть позже посмотрим? Если честно, я пришел не за этим.

– Правда? – удивился Леонард. – А зачем тогда?

– Я должен кое-что у тебя спросить.

Главное его не напугать, поэтому мистер Стивенс решил пока что не сообщать о самых страшных своих подозрениях. Он постарался как можно мягче сформулировать вопрос.

– Леонард, ты не знаешь, куда пропала твоя сестра?

Судя по реакции юного Штайнберга, формулировка оказалась недостаточно мягкой.

* * *

Леонард Штайнберг держал микроскоп наперевес, но руки его ходили ходуном.

– Кто ты, Уолтер, и кто тебя послал?!

Дружелюбно улыбаясь, Уолтер отнял у него микроскоп и вернул прибор на стол, заметив при этом, что у Леонарда от страха даже руки заледенели.

– Да не волнуйся ты так! Расследовать пропажу Берты меня попросила Гизела, вот я и расследую по мере сил. А сам я не кто иной, как Уолтер Стивенс, из Англии. Хотя должен признаться, что сюда я приехал не просто фольклор собирать. Я надеялся отыскать вампиров.

– Ах, вот оно что, – тихо промолвил Леонард. – Зачем? Чтобы истребить их?

– Нет, просто материал для книги собираю. Хотя все зависит от их поведения, – присовокупил Уолтер. – Я даже не сомневался, что вурдалаки водятся в этих краях, а давеча побеседовал с вашим священником и он подтвердил мои гипотезы!

– Представляю, в каких выражениях он все описал, – покачал головой его приятель.

– Да, отец Штефан вампиров не жалует.

– И не он один, – отозвался юный Штайнберг. – Но скажи, ты взаправду проделал такой путь только ради вампиров? Чем тебе английские не милы?

– Разве в Англии они тоже есть?! – спросил Уолтер с интонацией человека, узнавшего, что все это время у него в огороде, под грядкой укропа, находился древний клад.

– Вампиры повсюду, Уолтер.

– Но почему я никогда их не видел?

– Нууу, – задумался Леонард. – Разве ты ведешь ночной образ жизни?

– Нет. Дома я привык ложиться рано, а когда служил у стряпчего, приходилось экономить на свечах.

Тут он вспыхнул, подумав – и не без сожаления – про абсент, канкан и дома с дурной славой.

– А, ты в таком смысле. Нет, на улицу по ночам не выходил. Вдруг еще нападут, ограбят, убьют…

Юный Штайнберг красноречиво кивнул.

– Вампиры предпочитают большие города, – добавил он.

– Как Лондон?

– Да. В таких городах проживают Мастера, которым подчиняются все вампиры в стране.

– Представляю, как они бьются за это звание! А Мастером становится тот, кто победил предыдущего?

– Не всегда. Зачастую Мастером становится тот, кто медленнее всех бегает. За вампирами присматривать – все равно, что кошек пасти. Удовольствия абсолютный ноль, а н-нервотрепки уйма… Хотя случаются исключения, – юноша помрачнел. – Иногда в Мастера выбиваются жадные до власти сволочи. Они даже хуже чем… чем стафилококки! Ведь бактерии просто убивают, а не играют с тобой в игры! А эти будут годами нарезать вокруг жертвы круги, упиваясь ее страхом… Поэтому ты должен уехать, Уолтер, уехать прямо сейчас. Ну, хочешь, я твои дорожные расходы оплачу?

Уедет он, как же, подумал Уолтер. Теперь, когда вампиры

так близко, что их можно осиновым колом потрогать. Вряд ли он отыщет их в родных пенатах. Английские кровососы, должно быть, необщительны. А во всем виноват никудышный климат. Уолтер вспомнил туманы, белые и густые, как бланманже. Попробуй, поохоться в таких погодных условиях! Можно перепутать человека с садовой скульптурой и все клыки обломать.

– Откуда ты столько знаешь про вампиров? – спохватился он.

– Шутишь? – Леонард закатил глаза. – Сам же говорил, будто отец Штефан все тебе рассказал.

– Ну да.

Юный Штайнберг выглядел так сосредоточенно, будто балансировал на стуле с отломленной ножкой, пытаясь при этом жонглировать. В расспросах он был не силен.

– Значит, тебе подослала Гизела. О чем вы с ней беседовали?

– Обо всем.

– А поточнее?

– О том, что они с твоей сестрой, мягко говоря, не ладили. Что она очень расстроена побегом Берты. Что из-за этого необдуманного поступка может сорваться Бал.

– Больше она ничего про Бал не говорила? – успокоившись отчасти, переспросил Леонард.

– Кроме того, что там будут вампиры. Ты ведь тоже веришь в вампиров, правда? – еще раз уточнил Уолтер. А то

вдруг с ним приключилась слуховая галлюцинация с хорошим воображением.

Леонард снял очки, протер их свежим платком, и снова водрузил на нос.

– Мне ли отрицать их существование? – вздохнул он.

– В таком случае, неужели будущий союз с Гизелой тебя не пугает?

– Еще как п-пугает! В прошлом году… ну, когда все произошло… я умолял ее расторгнуть помолвку, предлагал любые отступные, а она ни в какую.

Уолтер понимающе кивнул. Если мужчина расторгнет помолвку первым, то любой сколько-нибудь порядочный человек просто обязан линчевать ренегата на месте. Расторжение помолвки – это прерогатива невесты.

– Не бойся, Леонард, – он покровительственно похлопал беднягу по плечу. – Если понадобится, я встану на твою защиту.

– Что же ты намерен предпринять?

– Для начала, хочу узнать, что произошло с твоей сестрой.

– Ты и правда, веришь, что сумеешь ее найти? У моего отца гораздо больше средств, но и он потерпел неудачу.

– Если не найду, то хоть попытаюсь.

– И то верно. Главное ведь намерения, – в его голосе Уолтер уловил нотки горечи. – Чем я могу помочь?

– У тебя есть портрет Берты? Ну, или фотография, желательно посвежее.

– Есть одна, только она в ее будуаре.

– Так за чем же дело стало! Как раз ее будуар мне и нужен. Может, там я отыщу какие-нибудь улики.

Будуар фройляйн Штайнберг размерами не уступал крикетному полю. Пол был устлан персидским ковром, по которому, выжигая вам сетчатку, разбегались ярчайшие геометрические узоры. На стенах висели картины, изображавшие обнаженных нимф и прочие куртуазности. Высокие окна были обрамлены темнокрасными шторами с золотой бахромой, которые спускались вниз тяжелыми складками, словно еще не остывшая лава. Над камином не оказалось традиционного круглого зеркала, но отсутствие зеркал уже превратилось в закономерность. Уолтер успел от них отвыкнуть. Увидав зеркало, он завопил бы от удивления, словно туземец при виде товаров из Старого Света.

– Держу пари, в этой комнате не убирали с момента исчезновения Берты! – потер руки мистер Стивенс. Он уже представлял, как обнаружит под ковром пятно причудливых очертаний, а за диванными подушками – погнутый подсвечник.

– Ну что ты, это же негигиенично! – осадил его Леонард. – Я немедленно распорядился, чтобы все поверхности протерли карболовой кислотой.

Уже без прежнего рвения, сыщик прошелся по комнате. Следов борьбы заметно не было. Штофные обои оказались чистыми до безобразия, без кровавых брызг или подозрительных царапин.

Тем временем Леонард снял с каминной полки фотографию в простой рамке.

– Вообще-то, отец никогда не приглашал к нам фотографа. Говорил, что если мы будем день-деньской таращиться на свои изображения, то совсем избалуемся, – невесело усмехнулся он. – Но однажды мы поехали на ярмарку. Я ныл и просился домой, но отцу там понравилось, он размяк, и Берта уломала его пойти в студию. Ей он ни в чем не отказывал.

Фотограф запечатлел детей на фоне задника с кипарисами и обломками античных колонн. Слева стоял мальчик в матросском костюмчике. По огромным очкам, а так же по выражению легкой паники на лице, Уолтер опознал в нем Леонарда. За руку его держала девочка в платье с обилием бантиков. Уолтер крякнул от досады, потому что девочка надвинула на глаза высокую, как свадебный торт, шляпку, так что виден был лишь упрямо сжатый рот. Продолжая теребить карточку, англичанин почувствовал, как в нем закипает раздражение – и на Берту, которая усмехалась над ним из прошлого, и на сам снимок, такой уродливый! С композицией явно что-то не так. Да и формат карточки нестандартный.

Присмотревшись, он заметил, что другая рука Леонарда терялась за кадром. Кто-то обкромсал ножницами левый край фотографии.

– С вами стоял кто-то еще? Твой отец?

– Нет, – смутился Леонард. – Там была Гизела. Она по-

ехала с нами на ярмарку, в первый и последний раз.

– И Берта ее отрезала?

– У нее с Гизелой были… сложные отношения, – деликатно заметил юноша.

Уолтер присвистнул. Теперь понятно, почему виконтесса так разгорячилась, вспоминая фройляйн Штайнберг. И главное – у Гизелы явно есть мотив для убийства! Если, конечно, священник был прав насчет Берты.

– Давай восстановим события. Ты знаешь, что делала твоя сестра перед исчезновением?

– Ну… мы все, как водится, проснулись, позавтракали колбасой-кровянкой. Отец отправился в цех, я – к себе в кабинет. Как сейчас помню, я тогда наблюдал за интересной культурой инфузорий.

– А Берта? – оборвал Уолтер.

– Что Берта? Ах да! Сестра поднялась в будуар, зажгла камин и долго возле него просидела.

– Зачем ей было зажигать камин?

– Чтобы погреться?

– Летом?

– Ничего от тебя не скроешь, – сдался Леонард. – Она жгла свой дневник. Страницу за страницей, с самого начала. Берта завела его, как только мы переехали сюда из Гамбурга. В дверь к ней постучалась наша горничная, а когда вошла, комната оказалась пуста. Остатки дневника тлели в камине, и лишь последняя страница обгорела не полностью. Я решил

не ставить отца в известность. Уверен, сестре бы это не понравилось.

Бережно, будто уцелевший манускрипт из Александрийской библиотеки, он извлек из нагрудного кармана даже не страницу, а клочок бумаги с хрупкими краями. Можно было разобрать лишь несколько строк: «…невыносимо… Я не должна более приближаться к Г., иначе случится беда… и раньше ненавидела, а теперь… так страшно… ничего, кроме ужаса, кроме отвращения… уехать… W (дальше неразборчиво)».

– Берта собиралась куда-то ехать? – воскликнул англичанин. – Куда?

Морща лоб от напряжения, юный Штайнберг еще раз перечел записи.

– Мне кажется, что W означает Westen, запад. По крайней мере, так я передал Гизеле. Но теперь я даже в этом не уверен.

Уолтер почувствовал, как на него снисходит откровение. Горячее, с острыми краями, оно так и впилось ему в мозг.

– Постой! Но ведь из дневника явственно следует, что Берта боится Гизелу! И ты все равно ей донес? Чтобы Гизеле было проще выследить твою сестру?

Леонард часто заморгал.

– Признаться, я не понимаю…

– Это я тебя не понимаю! Неужели ты действительно помогаешь упырям?

– Помогаю, куда ж мне деваться. Но не всем!

– Значит, я был прав! Ты их пособник! Быть может, твоя сестра действительно мертва?

– А если и так, что с того? – вдруг завелся юноша. – Поверь, от этого она не стала хуже!

– Да в какие игры ты со мной играешь, Леонард?! – прокричал Уолтер, и где-то в отдалении эхо подхватило его слова. Юный Штайнберг затрясся всем телом.

– Ох, Уолтер…

– ЛЕОНАРД!

– Это отец! Он идет сюда!

– Ну и пусть! – в запальчивости проговорил Уолтер. – К нему у меня тоже вопросы найдутся!

– Бе-бе-беги! Если он тебя здесь застукает…

В англичанине взыграл великодержавный гонор.

– Что тогда? Я иностранный подданный. На меня он руку поднять не посмеет.

– ЛЕОНАРД!!!

– Он тебя убьет. Причем руки ему для этого не понадобятся. Умоляю, уходи! Мой отец очень добрый. Пожалуйста, не вынуждай его на поступок, о котором он будет сожалеть! – Леонард что-то достал из другого кармана и быстро сунул Уолтеру. – Вот, это тебя заинтересует. Скорее сюда, на балкон. И дыши потише!

Как только за Уолтером захлопнулась балконная дверь, в комнату ворвался разъяренный Штайнберг.

– Щенок! Я же запретил! Как ты смел сюда пробраться!

– Я тоскую, – ответил Леонард просто.

– По самовлюбленной дурехе, которая удрала прямо перед Балом?

– Да, по ней.

Фабрикант замер и опустил занесенную руку. Бросил взгляд на каминную полку, куда Леонард уже успел поставить фотографию.

– Я тоже. Знай я, как дело обернется, все стены увешал бы ее портретами. Что если она никогда не вернется домой?

– Ты действительно веришь, что Берта сбежала? Может, он ее похитил? Держит взаперти?

– Зачем бы ему так поступать?

– Ты его лучше знаешь, отец. Зачем бы ему так поступать?

– Ох, Леонард. Вот ведь в какой переплет мы попали, – печально покачал головой отец. – Уже не верится, что выпутаемся.

– Ничего, до Бала еще несколько ночей. Что-нибудь да пр-придумаем.

– Как же, придумает он! – опять взорвался Штайнберг. – Экий мыслитель нашелся! В который раз повторяю – уезжай, покуда еще можешь. Ты ни в чем не замешан. Проклятие на тебя не распространяется!

– Именно поэтому я и с места не сдвинусь. Раз уж надо мной не властен этот мерз…

– Молчать!

– … авец, – закончил Леонард, смакуя каждый слог. Затрещина так и не стерла его довольную улыбку. – Должен же хоть кто-то вмешаться, если твой г-господин позволит себе лишнего. Если слишком туго затянет твой поводок.

– Тебе ли, дураку, с ним тягаться?

– Что еще мне остается делать? Целый год я живу в страа- хе. Я уже устал.

– Что, так скоро? Кишка тонка? А вообрази, каково бояться на протяжении двадцати лет! – рявкнул Штайнберг. – Зная, что в любой день – вернее, в любую ночь – он может явиться за моей дочерью. Каждое утро вздыхать облегченно, видя, что и на этот раз ее колыбель не пуста! Представлять, как он ее уводит – будет ли она вырываться, а если так, как он утихомирит ее тогда? Это ты себе можешь вообразить?!

– Нет, не могу, – подумав, ответил сын. – И не собираюсь. М-мы еще посмотрим, кто кого.

– Значит, остаешься?

– Остаюсь.

– Ну и болван! Так пропадайте же оба, я палец о палец больше не ударю! И за что только судьба покарала меня такими дерзостными, неблагодарными детьми?

Оба надолго замолчали.

– Это не риторический вопрос, отец, – наконец произнес Леонард. – И на твоем месте, я бы не стал его задавать.

Уолтер осторожно отодвинулся от окна, за которым отец и сын еще продолжали беседу, и рассмотрел новый артефакт.

Им оказался сложенный вчетверо листочек бумаги с виньетками, как видно, из дамской записной книжки. Записка вещала:

«Дорогие отец и Леонард!

Не вздумайте меня искать! В единстве наша погибель, только по отдельности мы устоим. Я сделала свой выбор, да и вы бегите отсюда. И если есть у вас хоть крупица благоразумия, держитесь подальше от графа и Гизелы.

Б.

PS. Особенно от Гизелы.»

Теперь у Уолтера уже не оставалось сомнений.

* * *

«У меня был друг, но он оказался предателем. У меня была возлюбленная, но она обернулась чудовищем, настоящей ламией. Тем не менее, у меня есть долг перед Гизелой – долг христианина, мужчины и любящего человека. Я должен спасти ее душу из узилища немертвой плоти. Я должен ее упокоить. А если хватит сил, то и графа, который сделал ее таковой. Я пишу эти строки при лунном свете у стен замка. Еще мгновение – и я отправлюсь на последнее свидание к моей возлюбленной (прим. – если выживу, нужно вставить сюда какую-нибудь цитату – может, из Теннисона?) Я иду,

Гизела! Смерть меня не страшит!»

Здесь записи Уолтера Стивенса обрываются навсегда.

К его величайшей досаде, во дворе его уже поджидала служанка. Сложив руки на груди, Эвике крутила головой по сторонам и нетерпеливо притоптывала ножкой.

– Где вас так долго носило, сударь? – сразу же напустилась она на гостя. – А почему корзина не при вас? Только не говорите, что потеряли!

– Сейчас не до таких мелочей, – отмахнулся он, проходя вперед.

– Это не мелочь! Между прочим, я все пальцы исколола, пока ее сплела…

– Девушка! – прикрикнул на нее Уолтер. – У тебя есть факел?

– Нет. У меня теперь и свечей нет, по вашей милости. Зато есть лучина. Сгодится?

Уолтер представил, как заявится к вампирше с лучиной в руках, и тут же отмел этот вариант. Масштаб не тот.

– Вряд ли.

– А что с вами приключилось? Где вы так исцарапались, да и костюм порвали?

– Я был у Леонарда.

Служба у вампиров закалила нервы Эвике, но лицо ее посерело.

– Господи. Неужто его микробы с вами такое сделали?!

Не тратя времени на объяснения, Уолтер оттеснил девуш-

ку в сторону.

– Куда же вы?

– К твоей госпоже.

– Дайте я вам хоть брюки зашью! Нельзя же идти к даме в таком деза… беза… де-без-белья, в общем!

Идея звучала заманчиво, но юноша отказался. Нельзя терять ни секунды. Сначала он забежал к себе в спальню, а оттуда уже отправился на роковую встречу. Гизелу он отыскал в Зеленой Гостиной, где она сидела на потертом диванчике и внимательно читала книгу, делая заметки на полях. Заметив пришельца, виконтесса оторвалась от увлекательного чтения и кивнула ему, давая понять, что сколь бы неприятен ни был его взъерошенный вид, она слишком хорошо воспитана, чтобы это заметить.

– Что-то случилось?

– Да, случилось, – торжественно-мрачным тоном произнес Уолтер. – Леонард поведал мне всю правду. О вас… и о Берте.

Виконтесса побледнела, хотя, казалось бы, с ее цветом кожи сделать это просто невозможно.

– Какую правду? Что вы имеете в виду?

– Тебе больше не удастся обманывать меня, – провозгласил англичанин, обращаясь к ней на «ты», потому что вежливости демоны не заслуживают.

– Я ничего не понимаю! – воскликнула она, подбегая к Уолтеру почти вплотную. – Что ты знаешь? Где Берта? Как

нам ее вернуть?

– Ее уже не вернуть. Храбрая девушка погибла, и ты более не властна над ней. Но я могу помочь тебе.

– Как же? – Гизела вскинула тонкие брови.

– Я отрублю тебе голову, набью рот чесноком и вобью кол в сердце, – твердо произнес Уолтер, протягивая крест перед собой на случай, если Гизеле эта идея не понравится.

Гизеле эта идея не понравилась.

* * *

– А вот святая вода, – с надеждой произнес Уолтер, доставая флакончик и капая Гизеле на запястье.

Виконтесса зевнула. Юноша печально вздохнул и поставил в формуляре жирный минус около пункта двадцать пять: «Вампиры боятся святой воды». Тем не менее, он не унывал. Есть и другие способы совладать с нежитью.

– Хорошо, но это еще не все.

С хитрым видом он достал из кармана мешочек, перевязанный ниткой.

– Ну-ка, проверим, мисс Гизела…

На ее глазах он высыпал содержимое мешочка – зернышки проса запрыгали по полу, разбегаясь в разные стороны. Англичанин выжидающе посмотрел на графскую дочь.

– И?

– У вас не возникает нестерпимого желания их пересчи-

тать?

– У меня возникает нестерпимое желание всучить кому-нибудь метлу и совок! Но я уже близка к тому, чтобы вас покусать, мистер Штивенс! – раздраженно проговорила она.

Он неохотно поставил еще один минус и поплелся за метлой. Конечно, он еще не пробовал отрубить ей голову, но инстинкт самосохранения подсказывал, что лучше и не пытаться.

– Выходит, ты не вампир?

– Нет…

– А господин граф? – произнес Уолтер с новой надеждой. – Ну, уж он-то.!

– Папочка? Полно тебе, какой из него вампир! Он мухи не обидит. А если обидит, то извинится.

– Эх.

Уолтер присел на диван, отбрасывая в сторону тщательно связанную косицу чеснока.

Реальность только что преподала ему памятный урок. Конечно, всему произошедшему есть рациональное объяснение. Отец Штефан оказался всего-навсего полоумным стариканом, а Леонард всласть поиздевался над доверчивым иностранцем. Сам граф фон Лютценземмерн уже не выглядел порождением ночи, лишь обедневшим, но все еще гостеприимным аристократом. Гробы он изготовляет не с преступным умыслом, а на заказ, чтобы хоть как-то поправить финансовое положение. И, конечно же, на бал прибудут упы-

ри не в буквальном, а в переносном смысле. Наверняка они любят сосать из окружающих кровь, но сосать ее как-нибудь фигурально!

Только сейчас ему открылся смысл родительских наставлений – нужно было сидеть в конторе и не рваться в дальние страны. Нужно было дождаться ту девицу с молитвенником, хотя от одной мысли о ней Уолтера бросало в холодный пот. Но все лучше, чем выставить себя идиотом перед надменной аристократкой, которая едва сдерживается, чтобы не расхохотаться ему в лицо. Вот куда заводят фантазии! Даже когда рушатся воздушные замки, можно пребольно удариться.

– Что ж, теперь мне ничего не остается, как признать все легенды о немертвых тем, чем они и являются – суевериями, порожденными невежественным умом. А я так надеялся!

– Не расстраивайся, – Гизела присела рядом и протянула ему платок, такой ветхий, что Уолтер не посмел им воспользоваться. – Да, мы не вампиры, но это же не значит, что их не существует! Да взять хотя бы Штайнбергов…

– На что мне теперь Штайнберги?

– Разве Леонард ничего тебе не сказал? Конечно, со своими инфузориями позабыл обо всем важном! Уолтер, очнись, Штайнберги – вампиры!

Англичанин взвился с места.

– Что?!

– Зачем ты так волнуешься? Подумаешь, невидаль! Да об этом вся деревня знает.

– И никто не попытался их уничтожить?

– А зачем? Они живут здесь уж восемь лет. Вампирами они совсем недавно стали, что ж теперь, штурмовать их особняк? Кроме того, Штайнберг полдеревни обеспечивает работой.

Уолтер схватился за голову.

– Но как Леонард может быть вампиром, у него же гемофобия?

– Не повезло, – согласилась Гизела.

– И все-таки?

– Он питается кровяной колбасой. Если кровь прошла термическую обработку, она вроде бы не так опасна. Ты пробовал их колбасу? Редкостная гадость. Только вурдалак ее и может в рот взять.

– Но ведь Леонард… и ты. И он же вампир!

– Да. А я его невеста, – она пожала плечами.

– Неужели тебе тоже придется стать вампиром? Гизела, я не могу этого допустить! Я спасу тебя от этих чудовищ и увезу в Англию, ну же, решайся!

– Англия – это, конечно, заманчиво, – улыбнулась девушка, – но я не могу оставить папу одного. К тому же, кто тебе сказал, что меня сделают вампиром? Отец Леонарда никогда такого не допустит. Он говорит, что лучше уж мы останемся смертными, и тогда после нашей с папой кончины замок отойдет к ним. Всего- то лет сорок – пятьдесят подождать, для них это сущие мелочи.

– Ну, если так, – протянул Уолтер, который и в кошмарном сне не мог вообразить, чтобы кто-то добровольно согласился выйти замуж за вампира. Впрочем, чтобы кто-то согласился выйти замуж за Леонарда, он тоже представить не мог.

– А та несчастная девушка?

– Тоже вампир. Вот уж год как, – проговорила Гизела печально, – а все никак не смирится и не примет себя такой, какая есть. И вот теперь она исчезла – прямо перед свадьбой, представляешь?

– Разве ты хотела, чтобы она стала подружкой невесты? – не понял Уолтер.

– Это была бы ее свадьба! – воскликнула Гизела. – Я имею в виду – двойная свадьба. Я выхожу за Леонарда, а она… как же его зовут-то… Какой-то французский аристократ, не помню фамилии. В честь этого мы и даем бал в нашем замке, а герр Штайнберг разослал приглашения своим гостям. Теперь представь, как разочарованы будут гости выходкой Берты. А ведь они – вампиры, самые древние, самые уважаемые, самые кровожадные и жестокие. Практически цвет вампирского общества! И если мы не найдем невесту к свадьбе, они очень, очень… расстроятся. Теперь понимаешь, в каком мы положении? – тихо добавила она.

– Да. Но то, что я нашел в доме Штайнбергов, поможет нам в поисках. Это остатки дневника Берты. Она сожгла его перед побегом. Но что-то еще можно разобрать. Здесь есть и

про тебя, – он протянул ей листочек, который девушка взяла осторожно, опасаясь, что поврежденный огнем, он может рассыпаться в прах прямо у нее в руках.

– Что-то важное? – не выдержав, спросил Уолтер, глядя как виконтесса уже десять минут перечитывает те несколько строчек, что удалось сохранить. Ему показалось, что в уголках ее глаз выступили слезы.

– Какая же она все-таки глупая! – воскликнула Гизела, медленно, словно бы нехотя откладывая листок в сторону. – Неужели и правда думала, что мне есть разница – вампир она или нет? Неужели не понимала, что без нее мы пропадем?

– Да, все это очень печально, – поддакнул Уолтер, – но ты нашла там какую-нибудь важную информацию?

– Здесь написано, что она хочет поехать в W… Wie… Тут не видно, но я думаю, она имела в виду Вену… Это целый день пути отсюда, и то в один конец! А потом… скажи, Вена ведь большой город? – она испуганно посмотрела на Уолтера.

Тот кивнул. Не просто большой – огромный. И вампиры не регистрируются в адресном бюро.

Глава 5

План был таков – прошмыгнуть в палату Кармиллы и все четыре часа слушать ее рассказы. Желательно без света. Но уже в вестибюле сиделка столкнулась с доктором Ратманном.

– Фройляйн, да вы нездоровы! – вместо приветствия сказал он.

– Что вы, герр доктор, я вполне…

– На вас лица нет.

Девушка на всякий случай проверила, а то мало ли что могло приключиться, пока она спала. Лицо оказалось на месте, хотя, судя по ввалившимся щекам, выглядело оно чертовски несимпатично.

– Есть.

– Не спорьте, пожалуйста! Простите мою прямоту, но краше в гроб кладут, – выдал доктор еще одну остроту, от которой фройляйн Лайд поежилась. – Да и вообще, что вы здесь делаете? У вас сегодня выходной.

– Пол-выходного, – уточнила сиделка. Согласно правилам фрау Кальтерзиле, новым медсестрам не полагалось выходных, пока не наработают стаж. Матрона опасалась, что целая ночь свободы вскружит ее подопечным голову, и они уйдут в загул.

– А мы не будем мелочиться и сделаем его полным, – подмигнул Ратманн.

Сиделка поблагодарила его книксеном.

– Тогда я заскочу к пациентке из четырнадцатой, буквально на пару минут, и сдам кастелянше форму.

Доктор молча буравил ее взглядом.

– С вашего позволения? – попросилась сиделка.

– Э нет, никакого позволения я не давал. Вы точно доберетесь домой самостоятельно?

– Да.

– Ну, смотрите, а то я бы мог…

Но к нему уже бежала другая медсестра, поддерживая сбившийся чепец.

– Герр доктор, там пациентка из третьей проснулась и буянит! – произнесла она таким тоном, будто ей было нанесено личное оскорбление.

– Что, опять? – поморщился главный врач. – Хорошо, для начала холодный душ, а после двойную дозу лауданума и на недельку в комнату с мягкими стенами. Если и тогда не образумится, применим электричество.

– Да, герр доктор!

– В нашей больнице нет места безобразному поведению.

Пока они разрабатывали курс лечения, фройляйн Лайд тихой сапой отодвинулась подальше, потом взлетела по лестнице и уже совсем скоро открывала знакомую дверь. Девчонка сидела на кровати, поджав ноги, и пыталась сообразить какую-то сложную прическу при отсутствии шпилек. Пациенткам они не полагались, потому что хитроумные особы

могли соорудить из них отмычку, а менее сообразительные – воткнуть медсестре в глаз. Да и зачем, если многих все равно стригли наголо? Кармилле еще повезло.

Иногда сиделка задумывалась, каково это – каждый день проводить в одной и той же комнате, метаться из угла в угол или лежать на кровати, разглядывая потолок в поисках интересных трещин или пятен плесени, но тщетно, потому что потолки здесь регулярно белили. Каждое пятно было островом на карте воображения. Каждая трещина – дорогой, уводившей прочь из этих стен.

– Фройляйн Лайд, вы пришли! – обрадовалась Кармилла. – Я как раз вспоминала то время, когда меня полюбил Владыка Всех Вампиров…

– Я ненадолго, – одернула ее сиделка. – Просто хотела удостовериться, что вы благополучны.

У Кармиллы вытянулось лицо.

– Может, все-таки задержитесь?

– У меня сегодня выходной.

– А, тогда другое дело! Хорошо вам. Жаль только, что заняться будет нечем. Ночь ведь, – девочка с сомнением покосилась в окно.

«Может, вы чего порекомендуете, с вашим-то опытом?»– чуть было не выпалила фройляйн Лайд, но вовремя спохватилась. Девочка не виновата в том, что у нее такое отвратительное настроение. Прямо скажем, человеконенавистническое.

– Отправлюсь на прогулку.

– Ой, только вы поосторожнее! На улицах в это время опасно.

– Постараюсь, – сдержанно ответила сиделка. На улицах этой ночью и правда будет опасно. А ей пора в путь, иначе «опасно» начнется прямо сейчас.

Девочка посмотрела на нее выжидательно, словно дворовый котенок на молочника. Поди, рассчитывает, что сиделка будет еженощно снабжать ее сластями. Пора умерить аппетиты. Никакого жалованья не хватит на такие траты, да и против устава все это. Хотя вряд ли фрау Кальтерзиле придерется, если узнает о ее самодеятельности. Происшествие в ванной образумило старушку.

Тем не менее, за кого Кармилла ее принимает – за ангела милосердия, что ли? Понятно, что девочка, как говорится, скорбная главою, но всему есть предел! И почему, почему эта дуреха свалилась на голову именно ей?!

Тут к ней постучала догадка, настолько жуткая, что фройляйн Лайд едва смогла ее озвучить. Когда все-таки удалось, ее губы подрагивали.

– Кармилла, я знаю, что вы стали вампиром, чтобы ваши приключения продолжались вечно. Но давайте еще раз представим, что вы…

– … Обычная барышня? Нет, фройляйн Лайд, этот номер больше не пройдет, – пациентка вздернула подбородок. – Второй раз вы меня не обманете! Я больше никогда не буду этого представлять! Слышите? Ни-ког-да! Потому что обычная барышня – это пустое место! Ее не существует! Все смотрят мимо, как будто ты дыра в пространстве! А если бы я и была ею – знаете, что бы я сделала? Я бы позвала вампиров! Я бы каждый день кричала, пока они не услышат! Они ведь не могут входить без приглашения. Значит, с приглашением-то непременно придут! Быть вампиром – в сто раз лучше чем… когда ты… и никому нет дела…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.